

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Заостровцев

Европейская модернизация
в России: желания
и реальность

Препринт М-75/19

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2019

3-29 **Заостровцев А. П.**

Европейская модернизация в России: желания и реальность / Андрей Заостровцев : Препринт М-75/19. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 48 с. — (Серия препринтов; М-75/19; Центр исследований модернизации).

В работе критически рассматривается один из вариантов описания европейской модернизации России, представленный в трилогии известного историка Александра Янова. Показывается, что попытка разработать теоретическую историю России как изначально европейской страны порождает ряд несоответствий. Предлагается видение России как страны, историческое развитие которой предопределяет фундаментальный институт «власти-собственности».

Информация об авторе: Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики — Санкт-Петербург (zao-and@yandex.ru).

Введение

В 2018 г. увидела свет книга известного в России публициста и экономиста Дмитрия Травина «“Особый путь” России: от Достоевского до Кончаловского» [Травин, 2018]. Наряду с четырехтомным произведением историка Александра Янова о «русской идее» [Янов, 2015а, 2015b, 2015с, 2016] она представляет собой всесторонний критический обзор самых различных концепций и точек зрения, объединенных лишь одним критерием: их сторонники не принимают взгляд на мир, а следовательно, и на Россию, как на движущийся по заданной исторической траектории, в конце которой его непременно ждет обретение основ единого социального порядка — того, который утвердился в странах европейской цивилизации¹. Во многом, кстати, их критика справедлива. Ведь абсолютное большинство апологетов «особого пути» России превозносят ее как наиболее совершенное общество, могущее служить примером для многих и наделенное правом читать всем нотации и делать выговоры, уподобляясь няньке в детском саду. Эти «особисты-оптимисты» при всей их многочисленности не исчерпывают, однако, ряды тех, кто не видит перспектив братского единения всего человечества под общим знаменем европейских ценностей. Однако речь пойдет не об этом остатке, представителей которого ныне модно определять как «русофобов».

Далее в препринте будут критически и всесторонне рассмотрены концепции одного из самых выдающихся российских универсалистов — вышеупомянутого Янова. Универсалисты верят, что российская история тем или иным путем все же придет к свободному обществу, где человек будет располагать гарантиями наделяемых этим обществом прав. При чем разделит это светлое будущее если не со всем, то с большинством

¹ В предыдущем препринте автор присоединился к точке зрения экономиста Андрея Илларионова о предпочтительности использовать в таких случаях термин «западный» вместо «европейский», поскольку Европа рождала и отнюдь не либеральные порядки и идеологии (коммунизм, фашизм, национал-социализм). Слово «запад» звучит географически более нейтрально и в большей степени отождествляется с классическим либерализмом [Заостровцев, 2018: 31–32]. Однако в силу широкого применения многими слова «европейский» в разных сочетаниях (европейский путь, европейская модернизация, европейские ценности и т. д.) автор данного препринта, не меняя своей позиции по существу, счел возможным его использование в целях ухода от полемики о терминах.

человечества. Теория Янова, надо признать, не столь восторженная, как у многих универсалистов. А главное, оригинальная и по-своему логичная. Поэтому она является достаточно ценным исходным материалом, отталкиваясь от которого можно показать основные недостатки универсализма, а заодно и наивного европоцентризма. В полемике с ней автор препринта раскрывает и собственные взгляды на политико-экономическую и социальную природу российского общества. Основное их содержание можно выразить традиционным постулатом: «Россия — не Европа». Во всяком случае, никогда ею не была. А будет ли? Мнение автора на этот счет читатель узнает в конце препринта. При этом он обращает внимание на то, что сегодня Европа — отнюдь не цитадель классического либерализма, а общество, теряющее прежние ценности и обретающее такие черты, которые не столько привлекают, сколько отталкивают тех, кто воспринимал ее как идеал правового государства. Все течет, все меняется. Европа — тоже. И для многих это грустно. Поскольку, скорее всего, необратимо.

От «европейского столетия» к европейской России?

В российской исторической науке в постсоветский период было опубликовано фундаментальное и новаторское исследование, рассматривающее путь России на основе историко-социологического подхода за длительный временной период. Имя его автора уже звучало выше. В своей трилогии «Россия и Европа» Янов начинает повествование с 1462 г. (вступление на престол Ивана III) и заканчивает 1921 г. [Янов, 2007, 2008, 2009]. При этом он совершает постоянные экскурсии в современность в каждом из томов трилогии. Что же касается «Русской идеи», то здесь автор своими рассуждениями охватывает и путинскую эпоху, что видно уже из подзаголовка всех четырех книг («От Николая I до Путина») [Янов, 2015a, 2015b, 2015c, 2016]. Сравнительно недавно вышла его же работа «Спор о “вечном” самодержавии: от Грозного до Путина», где наряду с широко представленной полемикой с оппонентами дается и описание российской современности в русле выработанной концепции русской истории [Янов, 2017].

Сотворенное Яновым столь грандиозное историческое полотно невозможно даже кратко пересказать. Да это и не нужно. Поэтому для начала изобразим его концепцию истории России схематически (*рис. 1*). А потом снабдим ее ссылками на соответствующие слова автора и при необходимости добавим собственные комментарии и оценки.

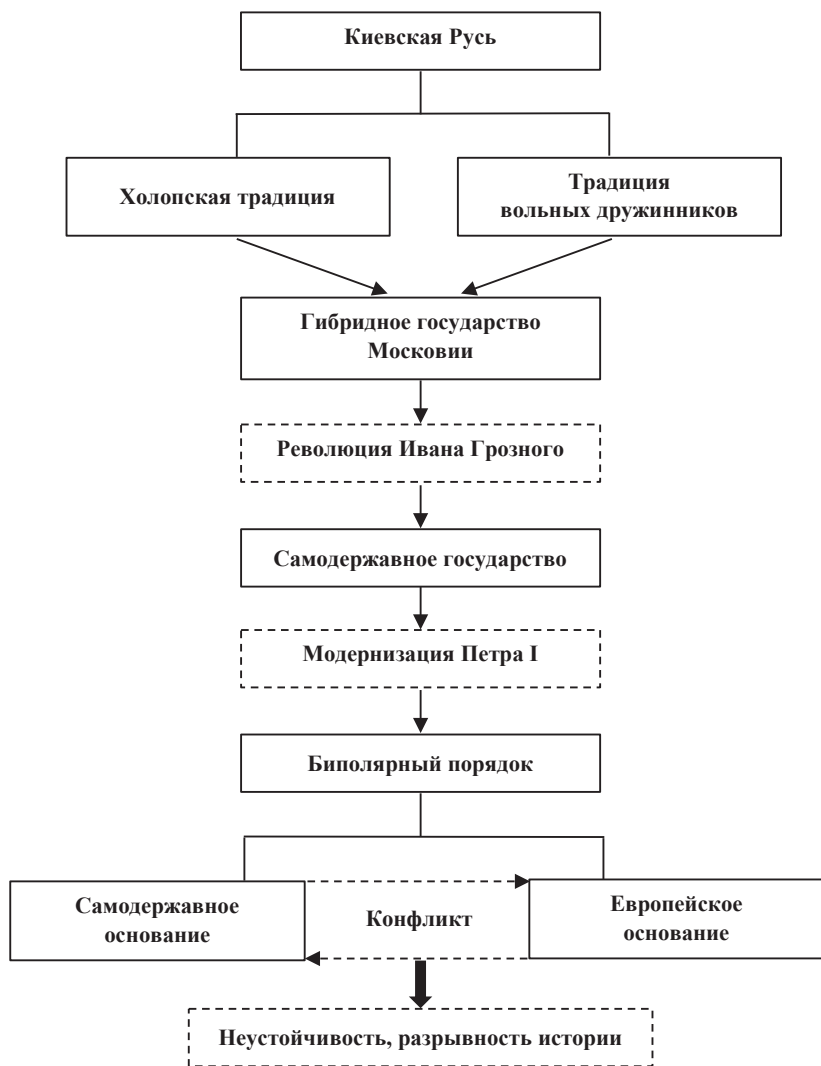

Рис. 1. Концепция русской истории по Янову

Вся концепция русской истории по Янову выстроена на априорном утверждении о ее внутреннем дуализме: европейские начала русского общественного устройства борются с заложенной в них самодержавной традицией. Такой подход совсем не оригинален, а, напротив, весьма тривиален. Однако в исполнении Янова он заиграл новыми красками.

Начнем с исходного положения. Автор видит начало начал в борьбе между «вольными дружинниками» и «холопами», управлявшими княжеским доменом. Легко догадаться, что это нельзя понимать буквально. Речь идет о борьбе традиций и ценностей (культур), вытекавших из принципиально различных статусных ролей. Право на отъезд вольных дружинников легло в основание той стороны российского бытия, которая названа «европейской»². В этом праве видится исторический фундамент конституционной традиции России [Янов, 2015а: 228]. В то же время имело место и противоположное: отношение князя-воителя к своим дворцовым служащим и кабальным людям как «вполне патерналистское отношение хозяина к холопам» [там же: 227]. В результате «образовалась фундаментальная двойственность русской политической культуры и государственной системы...» [Янов, 2017: 243]. Поэтому как «Европа внутри России» [Янов, 2008: 55], так и холопская или патерналистская традиция тоже является внутренне присущим ей качеством.

Европейское столетие?

Ключевую роль в укреплении европейской традиции сыграло долгое правление Ивана III, которое продолжалось 43 года. Янов называет этого правителя «великим зодчим». Распространяет историк доминирование этой традиции и на первый период правления внука «великого зодчего» — Ивана IV (Грозного). Заканчивается «Европейское столетие России» в 1560 г., после чего начинается «самодержавная революция». Какие же ключевые характеристики этого столетия³ делали его европейским?

В качестве таковых выделяются пять особенностей:

1. Юрьев день.
2. Боярская дума.
3. Неограниченная (именно так у автора!) свобода слова.
4. Судебник 1550 г.
5. Великая реформа 1550-х гг. [Янов, 2017: 14–15]

Судебник 1497 г., юридически зафиксировавший право крестьянина на лимитированную свободу передвижения (Юрьев день), называется «крестьянской конституцией» и одновременно подчеркивает, что в нем

² Впоследствии автор присоединяет к нему свободное крестьянство и Боярскую думу докрепостнической Московии.

³ Это «столетие» фактически есть восьмидесятилетие (1480–1560) [Янов, 2008].

предусматривалась защита не только движимого имущества крестьянина, но и закрепление за ним земли [Янов, 2008: 144–145]. Также автор обращает внимание на то, что он считает расцветом крестьянской вотчинной собственности: «Была на Руси в ее европейское столетие страта крестьян-собственников, многие из которых были богаче дворян» [Янов, 2017: 109].

Боярская дума как таковая просто упоминается со ссылкой на главное, по мнению Янова, открытие Василия Ключевского, заключавшееся в том, что это «учреждение не государево, а государственное» [там же: 14]. Конкретно о роли этого «государственного учреждения» и в трилогии, и в других книгах Янова говорится мало. Зато неоднократно упоминается знаменитый Судебник 1550 г., согласно которому государь был ограничен в деле введения новых законов «боярским приговором»⁴. Для Янова он не больше и не меньше, чем «русская Magna Carta» [Янов, 2008: 139].

Неограниченная свобода слова иллюстрируется спором иосифлян и нестяжателей, а также жалобой самого Иосифа Волоцкого на вольность еретиков. И в итоге делается вывод: «Не было казенного монолога государства перед безмолвствующим народом. Был диалог, была идейная схватка — бурная, открытая и яростная» [там же: 187].

Наконец то, что Янов назвал «Великой реформой 1550-х гг.», которая, согласно его точке зрения, больше заслуживает имени «великая», чем реформа 1861 г. Речь здесь идет о продаже правительством самоуправления уездам в 50-е гг. XVI в., когда ставшее зажиточным и владевшее собственностью крестьянство было заинтересовано избавиться от произвола властей. Налоги распределяли «меж собя по животам и промыслам», и, как полагает историк, самоуправление требовало и налогового самообложения для нужд и самого земства [Янов, 2017: 108].

Историком припасен и такой сильный аргумент в пользу именно европейского характера Московии в конце XV — первой половине XVI в., как направление потока миграции аристократии: многие ее представители добровольно переезжали в Московию из Великого княжества Литовского (ВКЛ). Современные экономисты называют это «голосованием ногами» (*voting by feet*). Исход из Литвы был действительно заметным. В частности, Янов пишет: «Цвет русских фамилий, князя Воротынские, Вяземские, Одоевские, Новосильские, Глинские, Трубецкие и т. д., это все удачливые беглецы из Литвы в Москву...» [Янов, 2008: 110]. Далее

⁴ В связи с этим указывается на его 98-ю статью: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех боар приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати» [Судебник 1550 года].

он в несколько ироничном тоне расписывает, с одной стороны, стремление великого князя литовского Казимира остановить миграцию в Московию и карать за нее, а с другой стороны, реакцию Ивана III, которую на языке нашего времени можно было бы назвать отстаиванием гражданского права на свободу выбора места проживания.

В другой книге Янов тоже не один раз обращается к этому доказательству «европейскости» Московии в известный период. Например, он даже полагает, что оно, кроме всего прочего, подтверждает наличие прав собственности в Московии, которые были в той же мере обеспечены, как и в ВКЛ. «Разве не следует из этого, — обращается с риторическим вопросом историк, — что вотчинная собственность была так же гарантирована в Москве Ивана III, как и в Литве?» [Янов, 2017: 54–55].

В итоге в глазах Янова вырисовывается образ прекрасной страны, которым он спешит поделиться с читателями. «Начинала свой исторический путь Россия в 1480-е вовсе не наследницей чингизханской орды, но обыкновенным североевропейским государством, мало чем отличавшимся от Дании или Швеции, а в политическом смысле куда более прогрессивным, чем Литва или Пруссия» [Янов, 2008: 45]. Прогрессивность эта, по мнению автора, состояла в том, что Москва первой приступила к церковной реформации и первой среди великих европейских держав попыталась стать конституционной монархией. И кроме того, оказалась способной создать в середине XVI в. вполне европейское местное самоуправление [там же: 46]. Эти радикальные утверждения призваны характеризовать тот исторический отрезок, который обозначен как «Московские Афины», и заодно заявить о либеральной (= европейской) линии развития страны как о жирной линии, а не «вялом пунктире» (графическая метафора, которую использовал один из главных критиков Янова — философ и культуролог Андрей Пелипенко)⁵.

В книге Янова приводятся возражения его оппонентов [Янов, 2017: 190–213, 228–238, 318–325, 541–567]. Кроме того, обсуждение концепции его трилогии представлено в книге «История и историческое сознание» [История..., 2012]. Сосредоточимся лишь на самых ключевых моментах дискуссии и начнем с Пелипенко. Суть их спора последний связал с необходимостью «принципиально различать мир идей и сферу социально-политических практик» [Янов, 2017: 321]. По всей видимо-

⁵ «*Настаиваю — именно вялый пунктир. Да и то лишь в лучшем случае!*» [Янов, 2017: 321]. (Здесь и далее в цитатах из данного источника выделено автором. — А. З.)

сти, подразумевается, что Янов не всегда различает слова (тексты) и дела. Как минимум отчасти с этим можно согласиться. Наиболее яркий пример этого — приведенное выше его обращение к пресловутой 98-й статье Судебника 1550 г. Да, она была сформулирована (причем, как видим, довольно абстрактно и одной фразой), но фактически никогда не действовала в реальности⁶. Применительно к Судебникам культуролог Игорь Яковенко напоминает и о том, что «в России дистанция между декларируемой нормой... и тем, что называется “понятиями”, то есть реальной практикой, реальными механизмами социальной регуляции, чудовищна велика» [История..., 2012: 36]. Следуя подходу Янова, историк в далеком будущем даже с большими основаниями мог бы доказывать наличие демократических свобод и демократического типа правления в России во втором десятилетии XXI в., апеллируя к соответствующим статьям Конституции РФ.

В части такого учреждения, как Боярская дума, мнения пишущих о ней не особо отличаются: она, во-первых, не была, строго говоря, представительным учреждением (формировалась самодержцем с учетом местничества); во-вторых, не работала на основе регулярного регламента, в-третьих, была, по сути, лишь декорацией царской воли, не имеющей каких-либо политических полномочий. Попутно заметим, что не в меньшей степени от царской власти зависели и Земские соборы⁷. Эти политические институты не идут ни в какое сравнение с представительными органами ВКЛ или Польши (впоследствии Речи Посполитой). Совсем не случайно «история не зафиксировала ни одного случая институционального противостояния или хотя бы чисто дискуссионного расхождения между самодержцем, с одной стороны, и каким бы то ни было сословным (Боярской думой, Освященным собором) или общеземским (Земским собором, органами местного самоуправления) учреждением либо их отдельными представителями, с другой» [Коцюбинский, 2019: 113–114].

Реформы правительства Адашева в 50-е гг. XV в. (в период «хорошего» Ивана Грозного), связанные с учреждением самоуправления

⁶ Историк П. Данилевский так охарактеризовал Судебники 1497 и 1550 гг., которые хранились в одном экземпляре в государевой казне: «Это были декларации, не вполне ясно кому адресованные. Поэтому рассматривать Судебники как свидетельство о каких-то радикальных изменениях в обществе я бы поостерегся» [История..., 2012: 21].

⁷ «Думу и Соборы следует рассматривать как временные учреждения, в которых у государства поневоле была нужда до тех пор, пока оно не смогло позволить себе добротного административного аппарата» [Пайпс, 1993: 145].

и местного суда взамен кормления, «бесспорно, открывали для Руси правовую перспективу» [Карацуба, Куркин, Соколов, 2006: 113]. Однако, как отмечает другой оппонент Янова — философ Игорь Клямкин, — со ссылкой на мнение Василия Ключевского, на практике этот замысел не воплотился в реальное самоуправление, так как «выборные лица должны были восполнять дефицит чиновничества, выполняя и общегосударственные функции» [Янов, 2008: 229–230]. И тем не менее из всех перечисленных Яновым ключевых характеристик «европейского столетия» эти реформы являются, пожалуй, единственной попыткой приблизить Московию к Европе. Это подтверждает сам Грозный в письмах к Андрею Курбскому: «...главная вина опальных советников в том, что “восхваляли” и стремились ввести такой порядок, когда “рабы властвуют помимо государя”» [Карацуба, Куркин, Соколов, 2006: 114]. Продолжая метафору Пелипенко, можно сказать, что здесь как раз наблюдается черточка того самого либерального пунктира⁸.

Обратимся теперь к расхождению взглядов Янова и Клямкина относительно фундаментальных общественных институтов. Клямкин делает упор на принудительное служение и произвол в отношении собственности. «Принуждение к службе, не опосредованное правом (договором сторон), с европейскостью в моем сознании не совмещается» [Янов, 2017: 198]. Вместе с тем подчеркивается и отсутствие гарантий сохранности того, что юристы называют вещными правами собственности. «Собственности могли лишиться и лишались опальные бояре... Ее можно было лишиться и при нарушении запретов на продажу вотчин либо ее продажу без дозволения государя. Правомерно ли считать полноправным собственником того, кто не вправе ею свободно распоряжаться» [там же: 231].

Следует обратить внимание на то, что оба этих утверждения связаны, — свободное обращение верховной власти с имуществом подданных так или иначе обусловлено их личной несвободой (отсутствием самопринадлежности), которая есть важнейший признак власти-собственности, отличающей Россию от Запада. Об этом, между прочим, пишет и сам Янов. Он, в отличие от некоторых универсалистов, не стре-

⁸ Оставшиеся яновские характеристики «европейского столетия» явно на него не тянут. Некоторые историки рассматривают введение Юрьева дня в Судебнике 1497 г. как начало «движения Руси к крепостному праву» [Анисимов, 2009: 127]. Что же касается свободы слова, да еще «неограниченной», то тут можно только удивляться. Вассиан Патрикеев и Максим Грек могли бы это чувство удивления разделить.

мится вопреки фактам и здравому смыслу доказать, что в России не было коренных отличий от европейских порядков (мол, на Западе было практически все то же самое). «Собственность подданных оставалась в Европе их собственностью. Это не было записано ни в каком юридическом кодексе, но входило в состав неписаного общественного контракта...» [там же: 146]. И чуть далее он ссылается на одного из самых ярких западных апологетов абсолютизма — Жана Бодена (1530–1596), который вместе с тем утверждал, что «в распоряжении своим имуществом подданные также суверенны, как государь в распоряжении страной» [там же: 148]. «При всем своем монархическом радикализме имущество подданных рассматривал тем не менее Боден как их неотчуждаемое достояние» [Янов, 2008: 383]. Любопытно заметить, что на того же Бодена и его обращение к разграничению собственности и власти ссылался и отстаивавший альтернативный взгляд на социальную природу и историю России американский историк Ричард Пайпс, когда подчеркивал контраст вотчинной собственности в Московском государстве с положением дел в Западной Европе [Пайпс, 1993: 92]⁹.

⁹ В настоящее время встречаются попытки на основе сравнительного исторического анализа показать, что принципиальных различий в состоянии прав собственности в Западной Европе и России не было. В пользу этой точки зрения приводятся свидетельства о многочисленных и грубых нарушениях этих прав в Европе в Средние века и раннее Новое время [Травин, 2013]. Однако в работе чаще всего описываются нарушения договоров между вышестоящими и нижестоящими. В Московской же Руси таких договоров не могло быть и не было в принципе. Не может же хозяин псарни договариваться с собаками. Любой стоящий ниже в социальной иерархии был, скорее, объектом, чем субъектом права. В другой работе Дмитрий Травин пишет о продаже должностей во Франции в эпоху меркантилизма как источнике пополнения королевской казны и связанных с ней злоупотреблениях [Травин, 2019: 13–17]. Подтекст здесь такой: и где тут правовое государство? Янов как раз обращается к этому же примеру, чтобы показать его становление. Во-первых, Франциск I не пошел, например, грабить Марсель, а стал *торговать* судебными должностями. Во-вторых, тем самым была создана привилегированная страта — относительно независимые наследственные судьи и новый институт — судебные парламенты. В-третьих, тот факт, что было много желающих покупать эти должности, говорит о том, что правительству *доверяли*. И, как подчеркивает Янов, «даже в глубочайшие тиранические сумерки Франции, даже при Людовике XIV, *судебная привилегия эта не была нарушена НИ РАЗУ*» [Янов, 2017: 150]. От себя добавим, что приводимый Травиным факт несправедливого суда в процессе Фуке под давлением со стороны королевской власти [Травин, 2019: 28] говорит явно в пользу Франции XVII в. при условии соотнесения ее с современной ей Московией, а не с Францией XXI в. Достаточно привести тот факт, что король ничего не мог сделать

Янов справедливо видит принципиальное отличие русского самодержавия от европейского абсолютизма в том, что при последнем не было обязательной службы. Однако при этом заявляет, что «на самом деле до середины XVI века обязательной службы в России не было» [Янов, 2008: 103]. Его оппоненты же, напротив, утверждают, что Иван Грозный лишь завершил движение в этом направлении, «но сама обусловленность землевладения службой возникла задолго до Грозного» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, 2005: 136]. В европейском феодализме вассалы были обязаны службой наделившему их землей частному лицу (сюзерену), а не государству. В эпоху же абсолютизма «само право собственности в Европе оставалось незыблемым и в зависимость от государственной службы не ставилось» [там же].

Что же касается перехода части литовской знати православной веры из восточных регионов ВКЛ на службу Ивану III, то обратим внимание на работу глубоко изучившего этот вопрос петербургского историка Михаила Крома. Из нее видно, что ограничения на отъезд из ВКЛ (о которых так беспокоится Янов), возможно, касались Московии, но исключительно как неприятельской страны¹⁰. Далее Кром выделяет два периода в отношении православных князей к сторонам конфликта (имеется в виду война ВКЛ и Московии на рубеже XV–XVI вв.): до 1500 г. и после него. В первый из них «украинные» князья переходили на московскую службу в стремлении сохранить за собой земли, которые «литовский господарь» все равно не мог оборонить. Однако во второй период аристократия сохраняла верность виленскому правителю. В ВКЛ «мелкие княжата получали взамен воспоминаний о принадлежавших некогда их

с Фуке, пока тот был генеральным прокурором Парижского парламента (высшего судебного органа Франции). Его мог судить только парламент. Был ли в России такой пост, который делал бы занимающего его человека неуязвимым для воли монарха? И был ли такой парламент? Более того, судьи проголосовали со счетом 13:9 против смертной казни. Людовик был взбешен и произнес знаменитую фразу: «Если бы его приговорили к смерти, я бы позволил ему умереть» [Скляренко, 2019]. Так что сравнение с кейсом опального петровского вельможи Меншикова совсем не свидетельствует о незначительности различий между Францией и Россией (как выражается Травин, «обертки» разные, «конфетки» одни и те же) [Травин, 2019: 28]. На самом деле конфетки столь разные, что уже не до оберток. Да и по времени лучше было бы сопоставить суд над Фуке, например, с приговором, вынесенным Алексеем Михайловичем боярине Феодосии Морозовой.

¹⁰ «Князья наряду с панами и боярами сохраняли право “отъезда” куда угодно, за исключением неприятельской страны...» [Кром, 2010: 133].

предкам княжеских правах вполне реальные дворянские права и привилегии...» [Кром, 2010: 153].

Городские же сообщества последовательно отстаивали свои вольности и поэтому Москва не могла рассчитывать на их поддержку. Особенно активно сопротивлялись московским захватчикам крупные города [там же: 193, 226]. В городских общинах «нигде не удалось обнаружить недовольства своим пребыванием в Великом княжестве Литовском или стремления присоединиться по доброй воле к Русскому государству» [там же: 258]. Кстати, после взятия Смоленска (1514 г.) примерно половина боярских семейств за первую половину XV в. перебралась из него в Литовское государство [там же: 238]. Москва же насильственно выселяла местных землевладельцев из покоренных областей («выводы»), заменяя их переселенцами из центральных уездов. Новоиспеченные помещики служили опорой Москвы на обретенных западных землях [там же: 255–259].

Наибольшую трудность для Янова представляла проблема Новгорода, которую он называет «новгородской контроверзой» [Янов, 2008: 122; Янов, 2017: 76]. Как вписать разгром вольного города и его институтов в «европейское столетие»? Тут историк, с одной стороны, временно смыкается с великодержавной трактовкой истории, с другой — всячески превозносит гуманизм и терпение Ивана III. И, разумеется, подчеркивает контраст с поведением его внука почти 100 лет спустя. Янов несколько не сомневается чуть ли не в «естественном» праве Московии собирать земли. В советское время историки называли это прогрессивным процессом (видимо, приближал пролетарскую революцию). Переговоры Новгорода о союзе с ВКЛ Янов называет изменой. Причем и политической, и конфессиональной (?)¹¹ [Янов, 2008: 127]. Нетрудно заметить, что вся эта аргументация с поправкой на время и обстоятельства задействована и сегодня Кремлем в его оправдании политики в отношении Украины.

В то же время к этим традиционным аргументам историков-патриотов Янов добавляет свою специфику: «Не присоединив Новгород, новорожденное *российское государство* (курсив мой. — А. З.) практически не имело шансов стать органической частью Европы» [там же: 125]. И формулирует такой риторический вопрос: «Что было важнее для будущего России — сохранить новгородские вольности или все-таки

¹¹ Из книги 2017 г. можно предположить, что под конфессиональной изменой историк имеет в виду контакт архиепископа новгородского с киевским митрополитом, которого называет ставлеником Великого князя литовского [Янов, 2017: 81].

дать стране шанс стать европейской державой?» [там же: 124]. Итак, подразумевается, что Московия эпохи царствования Ивана III очень стремилась в Европу, а Новгород ей в этом благородном деле мешал. Янов пишет, что и после второго вторжения в Новгород (1478 г.) Москва не разорила Новгород так, как это сделает позже Иван IV. И он оставался зажиточным городом, вплоть до террора Грозного.

А все почему? Не просто потому, что Иван III был милостив и терпелив (об этом постоянно говорится со ссылкой на английского историка Дж. Феннела)¹², а поскольку он думал, наверное, о том, как бы Московии стать «органической частью Европы». Вопрос, зачем тогда надо было уничтожать европейские институты Великого Новгорода, а не заимствовать их, остается без ответа¹³. Впрочем, разобраться с этой загадкой просто. Ненавистную «литовскую партию» нельзя было искоренить, не устраняя эти институты: демократический выбор постоянно воспроизводил ее, поскольку в большинстве своем новгородцы ценили свободы и видели их гарантии в ВКЛ, но уж никак не в подчинении Москве [Заостровцев, 2019b: 124]¹⁴.

Более того, есть все основания считать, что «предательство» литовской партии в 1478 г. было лишь хорошим поводом для уничтожения несовместимых с московскими порядками институтов и массовой высылкой их носителей. Таковое имело бы место независимо от него¹⁵. Подтверждает это аналогичная политика Василия III (сына Ивана III) по отношению к присоединенному Пскову, где никакой пролитовской оппозиции не было. Как пишет Евгений Анисимов, он «вел себя в Пскове как

¹² Поскольку Янов не устает описывать своего любимого героя в розовом свете, то приведем и другую характеристику этого персонажа отечественной истории: «К концу жизни Иван III стал нетерпим к окружающим, неоправданно жесток, он без разбору казнил своих друзей и врагов» [Анисимов, 2009: 129].

¹³ «Можно ли считать выравнивание порядков в этом городе (Новгороде. — А. З.) с порядками в других городах Московии движением в европейском направлении?» [История..., 2012: 67].

¹⁴ «Веротерпимость Ягеллонов и растущая в подвластных Казимиру странах роль общественного представительства при принятии политических решений представлялись новгородцам лучшей гарантией на будущее, чем московское самодержавие. Московские летописи, осуждающие изменников-бояр, единодушно утверждают, что их решение пользовалось поддержкой черни — новгородского плебса» [Зентара, 2015: 63].

¹⁵ «Способ осуществления внутренней власти в Новгороде был основной причиной московской экспансии на город, само существование которого рядом было оскорблением царя-бога...» [Макаренко, 1998: 174].

азиатский завоеватель». «Начались массовые аресты псковичей, конфискации их земель и имущества, а потом выселение ссыльных в пустынные места Московии» [Анисимов, 2009: 131].

Есть ли ордынские корни у государственности Московии?

Янов — решительный противник положительного ответа на данный вопрос, который именуется «Правящим Стереотипом». Однако нельзя сказать, что его полемика со сторонниками этого стереотипа достаточно содержательная. Он просто вопрошает: если бы Русь была продолжением Орды, то откуда бы взялись те замечательные реформы и Судебник, о которых шла речь выше? Кроме того, он прибегает далеко не к лучшему полемическому приему, ссылаясь на то, что о «русско-монгольской державе» писал Альфред Розенберг в «Мифе XX века» [Янов, 2008: 38–40]¹⁶.

В настоящее время единомышленники Янова в этом вопросе пытаются найти новые аргументы. В книге Крома «Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков» подчеркивается несходство формальных институтов: земские соборы Московии не похожи на курултай, в налогообложении и военном деле первоначальные монгольские образцы впоследствии подверглись значительной трансформации (поземельный налог заменил подушную подать, а нововведения середины XVI в. изменили облик армии). Единственное, что перенято от монголов, так это почтовая служба да еще степная дипломатия (опыт ведения переговоров с политическими образованиями, оставшимися после Золотой Орды) [Кром, 2018: 95–101]. Тут уместно сказать, что, опираясь только на сравнение формальных институтов, можно, например, утверждать, что социализма в Восточной Германии, в отличие от СССР, вроде как и не было¹⁷.

Для более же глубокого анализа требуется обращение к неформальным институтам, которые современные представители институциональной экономики склонны отождествлять с культурой [Алесина, Джулиано,

¹⁶ Интересно, а если бы Розенберг написал, что огонь — горячий, а воск — мягкий, то это тоже было бы неправдой?

¹⁷ Социалистическая единая партия Германии входила в Национальный фронт ГДР, в котором числились еще несколько политических организаций и движений (в отличие от моносубъекта — КПСС); Народная палата, в отличие от Верховного Совета СССР, была постоянно действующим органом, и места в ней между участниками Национального фронта распределялись по квотам; и т. д.

2016: 87]. В этом они следуют классике новой институциональной экономической истории Дугласу Норту, отмечая, что «в теории Норта формальные правила создаются государством, а неформальные нормы — это часть наследия, именуемого культурой» [там же]. Культура же для Норта «состоит из убеждений и институтов, которые мы наследуем из прошлого и которые ограничивают круг выбора в настоящем» [North, 2015: 233]. Мария Харари и Гвидо Табеллини под культурой понимают «преимущественно нормативные ценности относительно того, что такое “правильно” и что такое “неправильно” и как “должно” себя вести в данных обстоятельствах» [Harari, Tabellini, 2015: 246]. Можно сказать, что культура в такой трактовке — это некий выстроенный на основе укоренившихся ценностей набор убеждений о справедливости или несправедливости социального порядка. Или, говоря другими словами, его легитимности. Известно и такое определение культуры Нортом, как «межпоколенческий перенос норм, ценностей и идей» [Норт, 2010: 81]. Оно фактически описывает то, что экономисты назвали *path dependence* (зависимость от предшествующего развития, или «эффект колеи»).

В рамках поставленного в заголовке конкретного вопроса принципиально важно обратить внимание на политическую культуру. Кратко ее можно определить как набор представлений о желательном устройстве государства [История..., 2012: 129]. Григорий Тульчинский определяет ее несколько шире, — как связанную с политическим опытом «совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества» [Тульчинский, 2018: 24]. Именно политическую культуру как нормативный (должный) социальный порядок и впитывали двести с лишним лет княжества Северо-Восточной Руси в роли интегрированных в Золотую Орду подведомственных территорий и ее данников. Они развивались, согласно меткому выражению Ахиезера, Клямкина и Яковенко, под «монгольским облучением» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, 2005: 116]. А какие уж формальные институты обеспечивали этот порядок — дело не столь важное. Председатель Коммунистической партии Китая и президент РФ персонифицируют один и тот же принцип — самовластие, хотя имеющиеся механизмы его реализации в этих двух случаях существенно отличаются друг от друга¹⁸.

¹⁸ Культуролог Алексей Давыдов хорошо показал решающую роль неформальных институтов (у культурологов они, как и в данном случае, нередко именуются ментальностью, тогда как формальные институты — просто институтами) в обеспечении «связи времен» или того самого «эффекта колеи»: «Ментальность гораздо

Историк Даниил Коцюбинский выделил, в частности, такие особенности, как легитимность ярлыка и холопство элиты в качестве одних из базовых черт политической культуры Руси, сформировавшихся непосредственно в результате пребывания под властью Орды. «Легитимность ярлыка — это легитимность силы, а еще точнее — легитимность террора» [Коцюбинский, 2019: 121]. Если перевести модель включения княжеств Северо-Восточной Руси в ордынское государство на язык современной экономики, то это лицензированный бизнес. Лицензии на право управления территорией и извлечения из нее собственных выгод обуславливались платой в пользу монополизировавшего право на их выдачу. Это были отношения власти метрополии и ее местной службы в роли оккупационной администрации, которой передавались функции налогообложения подведомственного населения (по-русски эта практика позднее называлась откупом, а по-английски — *tax farming*). В результате стала складываться традиция «отношения русских князей к своей территории как завоеванной, а к своим подданным как к колониальным аборигенам, которых необходимо усмирять и устрашать во имя и от имени хана...» [там же: 123].

Само собой разумеется, что «силовое предпринимательство» подотчетных верховному правителю Орды князей не оставляло места для вечевых начал, представительства знати и вольных дружин. Наличие таких повышало бы транзакционные издержки управления и двойного бремени налогообложения (в пользу хана и для себя любимых). Силовая вертикаль в целях эффективного функционирования должна была и на местах копировать отношения беспрекословного подчинения в связке «хан — великий князь»: последний становился локальным «ханом» по отношению к своим подданным.

Это предопределяло и второе качество — холопство элиты. Коцюбинский также называет ее «плебейской», «второсортной» [там же: 117, 119]. В ордынский период Северо-Восточной Руси ее великий князь был холопом хана, и это было самым высоким титулом для данника. В дальнейшем, когда место великого хана занял великий князь московский и в результате обрел ханские полномочия (превратился из великого князя

более устойчива, чем социальные институты. Именно она есть транслятор традиции, а вовсе не институты. Она может диктовать человеку необходимость возродить старый институт на месте умершего. Но возродить в новой, модернизированной форме. Что мы и наблюдаем в ходе смены форм “самодержавного властвования”. Традиционность, традиция — не в социальных институтах, а у нас в головах» [Куда ведет кризис..., 2011: 179].

в царя), то бояре с гордостью стали именовать себя его холопами. Это было повышение социального статуса на одну ступень. «В итоге сложилась по-своему целостная и устойчивая система, основанная на отсутствии каких бы то ни было договорно-правовых традиций в обществе и в отношениях между обществом и властью...» [там же: 117–118]¹⁹. Наверное, не стоит здесь лишний раз напоминать тривиальную истину о европейском феодализме, выстроенном на договорных отношениях между сюзереном и вассалом, с взаимными правами и обязанностями, хотя, как выразились бы современные экономисты, и «асимметричными», смещенными в пользу первого. Но тем не менее существующими.

Теперь уместно вернуться к исходному дуализму по Янову. Стоило ли ему искать истоки холопской традиции так далеко, в положении княжеской обслуги в Киевской Руси? Когда совершенно очевидно столь мощное и длительное влияние встроенности Московии в ордынский порядок? Историки-«грядочники»²⁰ могут сколько угодно перетирать отдельные детали и говорить: вот, посмотрите, у них там (в Орде) было то-то и то-то, а тут (в Московии) нечто совсем непохожее. В сущности, это — маленькая правда и большое искажение истины. В таком случае говорят: «за деревьями не видят леса».

Янова уж точно к пресловутым «грядочникам» не отнесешь. Что же вызывает его столь сильное неприятие отнесения к ордынским политическим традициям корней русской государственности? По всей видимости, изначально принятое допущение о европейском происхождении российского социума и, как следствие, вывода о его потенциале превращения в Европу [Янов, 2017: 476]. И хотя он не всегда настаивает на неизбежности последнего, что выгодно отличает его позицию от ряда твердых российских «еврооптимистов», тем не менее этого оказалось достаточно, чтобы не замечать институциональных истоков русской государственности. Того, что именно «монголы навязали Руси иной, чем

¹⁹ Не случайно Тульчинский в своем исследовании политической культуры подчеркивает, что «российскому сознанию принципиально чужда идея источника полномочий власти как общественного договора, контракта, удовлетворяющего интересы различных сторон» [Тульчинский, 2018: 77].

²⁰ Определение Янова, относящееся к историкам с узкой специализацией: «Я понимаю экспертов, я им даже сочувствую. Вот смотрите. Люди уютно устроились в гигантском интеллектуальном огороде, копают каждый свою грядку — кто XV век, кто XVII, а кто XX. Описывают себе факты “как они были”, никого за оградой своего участка не трогают, все, что за пределами их грядки, презрительно именуют “историософией”...» [Янов, 2008: 101].

прежде, способ существования и уже тем самым задали иной вектор ее дальнейшего развития» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, 2005: 116].

Русская государственность формировалась с родовой травмой, именуемой политической культурой ордынского деспотизма²¹. Поскольку она представляет собой неформальный институт, то его нельзя предъявить как материальный объект или текст. Что и смущает многих историков. Ведь «для историков неформализованное, “латентное” — это что-то эфемерное, как бы несуществующее» [Янов, 2017: 31]²². Однако родовая травма влияет на всю последующую жизнь человека или даже определяет ее. Эта медицинская метафора может быть спроецирована и на жизнь общества. Естественно, никто не отважится утверждать, что политическая культура современной России есть просто слепок с той, которая имела место 600–700 лет назад. Однако она, как укоренившаяся в социуме ментальная модель, вобрала в себя все исторические слои идеологии русского этапизма, включая и тот, что был заложен в ее основание. И он — не какая-то окаменевшая рухлядь, — его можно сравнить с подземным источником, который незаметно для глаз питает истоки широкой реки²³.

Деспотизм, самодержавие, абсолютизм

Янов видит начало российской несвободы в том, что называет самодержавной революцией Ивана Грозного. Революция эта привела к «самодержавной государственности». Кроме собственно самодержавия, с этой революцией связывается отмена Юрьева дня, идеология сакральности верховной власти (иосифлянство), агрессивная экспансия [там же: 284–286]. Движущей силой и заодно бенефициарами самодержавной революции на-

²¹ «Независимость русского государства была украдена у монголов» [Макаренко, 1998: 185]. Отсюда «преобразование внешнего насилия во внутреннее — значимый элемент возникновения русской власти» [там же].

²² Кредо историков-позитивистов сформулировал, в частности, Кром, отрицая ордынскую наследственность русской государственности: «Факт заимствования — при отсутствии прямых указаний источников — никак не может быть установлен дедуктивным путем, ведь история сугубо эмпирическая наука — это не математика!» [Кром, 2018: 97]. Такая методологическая установка явно отказывает в праве на существование и новой институциональной экономической истории, и исторической социологии.

²³ «Ментальные программы, соответствующие тем или иным этапам, не стираются последующим развитием. Латентно присутствуя в глубинных слоях ментальности, они либо “ждут своего часа”, либо подспудно просачиваются “наверх”, преломляясь и трансформируясь в соответствии с наличными условиями доминирующего уклада» [История..., 2012: 180].

зывается военно-церковный блок, который удалось разрушить в Северной Европе, но не в России [там же: 42–43, 112]. Цель же опричнины «состояла в превращении страны в колонию военно-промышленного комплекса и инструмент “першого государствования”» [там же: 429].

Что касается интересов церковников, то они понятны: сохранение монастырских земель, предотвращение секуляризации и реформации (если, конечно, считать нестяжателей реформаторами). И тут появляются рассуждения о наследии Орды. Только Янов видит таковым не политическую культуру в целом, а богатства православной церкви. Она была фаворитом ордынских завоеваний, Орда сделала ее крупнейшим землевладельцем и ростовщиком. Однако из-за стремления нестяжателей заручиться царской поддержкой к середине XVI в. появилась смертельная опасность для церковных владений [Янов, 2015а: 208–209].

Под современным термином «военно-промышленный комплекс» подразумеваются интересы помещиков. Они, мол, были против европейской модели армии как наемной, которая бы лишила их военной монополии, а следовательно, и «помещичьих кормлений» [Янов, 2008: 237–238]. В результате в своем противостоянии реформаторам их интересы соединились с интересами церковников. Отсюда и «военно-церковный блок». Впрочем, насколько серьезна была опасность для помещичьей организации? Ведь это правительство реформаторов принимает ключевое уложение об обязательности военной службы в 1556 г. «Тем самым боярские наследственные вотчины фактически превращаются в служебные» [там же: 239]. Получается, что на самом пике «европейского столетия» происходит окончательное оформление служебного государства²⁴.

Сомнительна и интерпретация самодержавной революции как краха европейского абсолютизма: таковым объявляется все то же «европейское столетие»²⁵. Его оппоненты не без оснований обвинили историка

²⁴ Травин подробно рассмотрел проблемы, препятствовавшие широкому распространению наемной армии в Московской Руси. Поместная же армия требовала и полного закрепощения крестьян, как условия жизнеобеспечения большого количества помещиков. И тут вполне можно согласиться с тем, что этот институт, надолго укрепившийся в России и оказавший на ее историю огромное влияние, с ордынским периодом не связан [Травин, 2015]. Однако он вытекал из закрепощения самих помещиков в форме обязательной службы, которую есть основания рассматривать в качестве наследия ордынской политической культуры (безусловной принадлежности человека обществу, воплощенному в безграничных полномочиях верховной власти и ее персонального воплощения — самодержца).

²⁵ «Была тогда Москва европейской абсолютной монархией» [Янов, 2017: 63].

в том, что он как бы переносит иллюзии шестидесятников (Ленин — хороший, Сталин — плохой) в эпоху Рюриковичей [История..., 2012: 68]. Однако, надо заметить, сопоставление Ленин/Сталин — Иван III/Иван IV вполне работает, если отказаться от присущей шестидесятникам идеализации Ленина, а принять вполне отвечающий реальности лозунг сталинской эпохи о том, что «Сталин — это Ленин сегодня».

«Иваниана» Янова интересна тем, что тут им выводится тип российской государственности, который он называет самодержавным. По его мнению, эта государственность занимает промежуточное положение между деспотизмом, с одной стороны, и абсолютизмом — с другой. Она — гибридная. Историк утверждает, что до «плохого» Ивана Грозного в России «была самая натуральная Европа, ничего общего не имеющая с восточной деспотией» [Янов, 2017: 31]. В результате самодержавной революции Грозного она превратилась в «другую страну», но деспотией не стала. Эта классификацию моделей государственности представлена в табл. 1.

Что же касается самодержавной государственности, то связывается она только с Россией, и, как видим, таковая представлена как пульсации между крайностями. Так, например, вследствие самодержавной революции Грозного происходит максимальное приближение к деспотии, но и в этом случае не слияние с ней. «Даже в самые мрачные времена своей истории Россия никогда не была азиатской деспотией» [Янов, 2008: 410]. Оттолкнувшись от одного края, Россия спешит к другому. Янов насчитал 11 попыток «прорывов в Европу»: 1606, 1610, 1700, 1730, 1801, 1825, 1861, 1881, 1905, 1917 (февраль), 1989 [Янов, 2017: 24]. Вот эти зигзаги и составляют российский «особый путь». Естественно, историк видение «особистов» (сторонников концепций особого пути России) зачастую справедливо отмечает, но сам при этом фактически пишет об уникальности России. Деспотий — несколько, абсолютистских режимов — тоже, а вот самодержавная государственность только одна. И этой государственностью во всем мире обладает лишь Россия.

Как видно из таблицы, автором выделено по 10 характеристик деспотизма и абсолютизма. Большинство из них в специальных комментариях не нуждаются. Тем не менее пункт 7 на обоих полюсах, наверное, требует пояснений. В деспотиях «политическая смерть» равнялась физической смерти политика, в то время как при абсолютизме есть право на «политическую смерть», которая не тождественна физической. Это создавало возможность политической борьбы и независимого поведения, включая появление независимой политической мысли. В пункте 10 в отношении деспотизма подразумевается, что единственным механизмом изменения

Таблица 1. Три модели государственности

Деспотизм	Самодержавие	Абсолютизм
1. Тотальное присвоение государством результатов хозяйственного процесса страны	1. Колебания в степени вмешательства в хозяйственный процесс	1. Отсутствие тотального государственного присвоения, собственность подданных как неявный контракт
2. Перманентная экономическая стагнация	2. Сочетание коротких периодов модернизационной активности с длительными периодами застоя	2. Расширенное воспроизводство и экономическая экспансия
3. Отсутствие политической модернизации	3. Сочетание радикальных изменений институциональной структуры государства с сохранением основных параметров самодержавного государства	3. Способность к политической модернизации
4. Два полярных класса: управляющие и управляемые	4. Пульсирующая социальная структура: слабость среднего класса компенсировала интеллигенция как посредник между элитой и массами	4. Многоступенчатая иерархия социальных слоев
5. Однородность массы управляемых	5. Неустойчивое равновесие в положении элиты: периоды стабильности сменяются периодами государственного произвола	5. Политическое и имущественное неравенство
6. Однородность управляющих: абсолютная атомизация и нестабильность	6. Пульсация между положением элиты в качестве служебного класса и его аристократизацией	6. Наследственная аристократия, наделенная обычаями правами наследственной аристократия
7. Отсутствие «политической смерти»	7. Пульсация террора (репрессий)	7. Право на «политическую смерть»
8. Легитимация через восприятие как естественного явления, вызывающего всеобщий страх		8. Латентные ограничения → предсказуемая политика → отсутствие тотального страха
9. Отсутствие политической оппозиции		9. Отсутствие государственного грабежа → нет необходимости идеологической монополии → идеологическое ограничение власти
10. Нестабильность персональной власти как следствие ее неограниченности		10. Привилегии аристократии → латентные ограничения власти

Источник: [Янов, 2017: 121–184].

политического курса являлось убийство деспота. Поэтому его власть была нестабильной в отличие от деспотизма как постоянно воспроизводящейся системы. Надо сказать, что абсолютизм у Янова — это всегда *европейский* абсолютизм, и, описывая его важнейшие черты, историк неоднократно подчеркивает наличие латентных ограничений власти.

В результате (по крайней мере, для Европы) Янов дает определение политической культуры как совокупности *«латентных ограничений власти, отраженных в автоматизме повседневного поведения и унаследованных от предшествующих поколений в качестве культурной традиции»* [там же: 161].

Почему для Янова принципиально важно не относить Россию к деспотиям? Согласно его точке зрения, в таком случае у страны нет европейского будущего. В деспотиях один собственник — царь, и они неспособны к политической модернизации. Альтернативные же модели организации общества не могут там родиться даже в умах подданных. Все эти мысли высказываются неоднократно, в особенности в ответах на возражения оппонентов [Янов, 2017: 213–227].

В связи с этим нельзя не заметить его обращение к попыткам модернизации в Османской империи. Текст Янова можно было бы озаглавить «Почему у Турции не получилось?». В нем рассматриваются попытки реформирования империи в XIX в., отчасти похожие на аналогичные действия Петра I, предпринятые век назад. Но ни Селиму III, ни Махмуду II они не удалась. Янов называет их «пародиями на Петра» [Янов, 2007: 258–261]. Причины этих неудач историк связывает с тем, что за ними не было традиции ограничения произвола власти, того самого «европейского столетия». А у Петра I, естественно, была [Янов, 2016: 188]²⁶.

Такое объяснение не очень вяжется с реальными действиями первого российского императора. Его реформы, напротив, снимали всякие, даже самые эфемерные ограничения с царской власти, и их проведение было бы невозможно, если бы он не опирался на доведенный им до высшей степени последовательности самодержавный принцип. «Он укрепил, обновил с помощью взятых на Западе новых идей и институтов

²⁶ В другой книге из серии «Русская идея» речь заходит о реформах Атаютюрка в XX в. [Янов, 2015с: 120–123], относительно успешности которых в деле модернизации турецкого общества практически существует консенсус. Однако в этом случае не дается объяснения причин положительных результатов. Возможно, что оно просто у автора отсутствует. Ведь, согласно его теории, деспотии не подлежат политической модернизации.

традиционный режим самодержавия, чем обеспечил его существование еще на два столетия» [Анисимов, 2009: 250].

Другое дело, что было бы странно не признавать того факта, что петровские преобразования означали модернизацию. Тем не менее такая точка зрения существует. «Хоть Петр и признавал важность экономического развития, его реформы оставили хозяйственную систему России в тяжелом состоянии, поэтому вряд ли можно говорить о деяниях первого русского императора как о модернизации» [Травин, 2019: 58]. Во-первых, тяжелое состояние хозяйственной системы отнюдь не означает, что она не подверглась модернизации. В таком случае реформы Егора Гайдара также нельзя считать таковой. Во-вторых, очевидно, что здесь не проводится различие между адаптивной модернизацией как внедрением организационно-технических новшеств и вестернизацией как созданием и развитием институтов гражданских и политических прав индивидов. Первая может осуществляться относительно независимо от второй [Заостровцев, 2018: 37–38]. Введение такого деления позволяет избавиться от бесплодных дискуссий на тему о том, чем являются петровские, сталинские или современные китайские реформы: модернизация это или нет?

В целом же, согласно Янову, «“сакральной” самодержавной рукой Петр уничтожает иосифлянский фундаментализм и снова поворачивает страну лицом к Европе, *возвращая ей первоначальную идентичность*» [Янов, 2015а: 214]. Под «первоначальной идентичностью», естественно, автор понимает все то же «европейское столетие». И именно это столетие, как уже выяснили ранее, служит исторической стартовой площадкой всех последующих либерализаций. Тем самым отвергается традиционная точка зрения на роль жалованных грамот дворянству Екатерины II в качестве таковой²⁷. В результате же екатерининских реформ «рабовладельческая элита шагнула в Европу, оставив подавляющую массу населения, крестьянство, прозябать в иосифлянской Московии» [Янов, 2015а: 214]. И соответственно, «в этих условиях Россия могла... стать поначалу не более чем полу-Европой» [там же].

Вся дальнейшая история России представляется как продолжение отмеченных выше пульсаций: европейские прорывы перемежаются с провалами в архаику. Сказывалась «фундаментальная **двойственность** русской политической культуры и государственной системы...» [Янов, 2017: 243].

²⁷ Постоянный оппонент Янова Клямкин веками политической европеизации России, кроме этих грамот, считает реформы Александра II и октябрьский Манифест 1905 г. [Янов, 2017: 197–202].

Янов иногда даже называет российское метание между полюсами «цивилизационной неустойчивостью» [там же]. И пишет о разрывах в русской истории: когда одна страна чуть ли не мгновенно (по историческим меркам) превращается в нечто противоположное. И разрывы эти есть следствия «гибридного сложносочиненного самодержавия» [там же: 474].

Янов предлагает следующую новаторскую периодизацию русской истории до 1917 г. [Янов, 2007: 468]:

1. Европейское столетие России (1480–1560).
2. Первый Русский проект (1560–1584).
3. Московитское столетие (1584–1689).
4. Новый Европейский проект (1689–1825).
5. Второй Русский проект (1825–1855).
6. Постниколаевская полуевропейская Россия (1855–1917).

Второй Русский проект — это николаевская Россия. «Московский двойник европейского генома действительно торжествовал победу во второй четверти XIX века» [Янов, 2015а: 218]. Социальная база московитского реванша видится в массе провинциального дворянства: гоголевские ноздревы и собакевичи, напуганные перспективой потери «живого товара». В то же время роль их «представителей» играл императорский двор самодержавной государственности и «патриотически настроенные» идеологи [там же: 218–219].

Проблемы же постниколаевской России (той самой, что «полуевропейская») заключались в том, что «освобожденное от помещиков крестьянство осталось в рабстве у общин» и что «независимый суд оказался несовместим с самодержавным порядком» [там же: 285]. Что же бросило Россию в очередную «московитскую архаику», почему Февральская революция 1917-го «привела страну не в Европу, но лишь в еще одну «Московию» [там же: 225]?

О коммунистической России Яновым написано очень мало. В том числе о причинах, ее породивших. По отдельным редким репликам можно догадаться, что по своей сути она была результатом победы одной части расколотого народа над другой: «мужицкое царство» Московии победило «европейцев». «Ленин угадал московитский язык “мужицкого царства” и оседлал его. Надолго» [там же: 182]²⁸. Это говорит в пользу того, что

²⁸ В последнем интервью Янов говорит, что «“вторую” (европейскую) Россию смело проснувшееся “мужицкое царство” вместе с ее великой европейской культурой» [Янов, 2019]. И там же дает более развернутую характеристику несовместимости страны с Европой: «Не вписывалась страна в Европу — со своим архаическим “са-

историк видит социалистическую революцию не как официально провозглашенную пролетарскую, а как крестьянскую: патриархальное общинное крестьянство уловило в ней столь близкий ему антибуржуазный дух и при всех конфликтах с большевиками в конечном счете предпочло их любым альтернативным политическим силам тогдашней России.

После крушения «Московии 2.0»²⁹ задача перехода к европейской России осложнялась необходимостью того, что Янов именует «тройным переходом»: От Госплана к рыночному хозяйству, от однопартийной диктатуры к разделению властей и от империи к федерации [Янов, 2015а: 13]. Но сейчас эта революция в стадии отката. И снова имеет место противостояние двух России: европейской и евразийской. Реванш последней историк объясняет «исключительной мощью имперского реваншизма» [там же: 322].

В целом Янов придерживается оптимистической позиции в прогнозах на будущее. Он строит их на основе представленной выше концепции колебаний между европейским и московитским полюсами, в соответствии с которой предсказывается неизбежность депутинизации после Путина. «Не было еще за всю историю самодержавной государственности *ни одного* случая, чтобы диктатор продлил диктатуру за пределы своего правления» [Янов, 2019]. И при этом дается обещание не просто депутинизации, но конца всего 450-летнего самодержавия [там же]. Видимо, полностью и окончательно победит «неистребимый европейский “геном” российской государственности» [Янов, 2017: 25]. Россия излечится от одиночества «особнячества» и войдет в европейское измерение.

Для полной ясности приведем целиком пророчество историка, основанное на его интерпретации предыдущих «европейских прорывов»:

«В 1700 году исчезла фундаменталистская церковь, в 1762-м — всеобщее холопство, в 1861-м — крепостничество, в 1917-м — «сакральное самодержавие», в 1953-м — политическое идолопоклонство, в 1993-м — общинное рабство. Осталась имперская государственность. Может ли быть сомнение, что обречена и она? В порядке дня последнее усилие европейского “гена” России» [Янов, 2015а: 228–229]³⁰.

кральным” самодержавием, общинным рабством крестьянства и неудержимо радикализирующейся молодежи, готовой возглавить новую пугачевщину» [там же].

²⁹ Так автор данного препринта именует коммунистическую эпоху в России, выдвигая концепцию трех Московий [Заостровцев, 2017а].

³⁰ В то же время на общем оптимистическом фоне встречаются и рассуждения о том, что «деградация России, между тем, УСУГУБЛЯЕТСЯ, она достигла гоме-

Российская колея

От прошлого — к настоящему

Очевидно, что Янов последовательно придерживается концепции зависимости от предшествующего развития, хотя и не называет ее (вполне можно допустить, что в силу междисциплинарных барьеров он и не догадывается о наличии таковой)³¹. У экономистов же при обращении к «долгому времени» (длительному историческому процессу) она является основополагающей в методологическом плане [Аузан, 2007; Нуреев, Латов, 2009; Афонцев, 2010]. Концепция российской колеи, по Янову, основана, как было уже не раз показано, на дуализме социума, его политической культуры. Европейскому началу противостоит патерналистская государственность, и данное противостояние толкает российскую историю, порождает циклы и разрывы.

Если не брать во внимание отдельные приведенные выше сомнения автора в оптимистическом финале исторического пути России, то можно заключить, что доминантой в рассматриваемой двойственности является продвижение к Европе. Однако такая точка зрения неубедительна. По сути дела, сам автор дает основания для такого заключения, когда пишет об 11 прорывах в Европу (точнее было бы назвать их порывами). Все они заканчивались неудачами. Ну а если подброшенная монетка падает 11 раз подряд одной и той же стороной, то, наверное, стоит поискать в этом некоторую заданность. И последняя вполне может быть объяснима, если принять, что в российской двойственности европейское начало есть не доминанта, а всего лишь компонента. Является ли эта компонента «вялым пунктиром» (как утверждал в споре с Яновым Пелипенко) или жирным — вопрос все-таки второстепенный. Прежде всего стоит обратить внимание на то, что, во-первых, Россия если и приближается к Европе, то на очень короткое время: за последние 120 лет можно

рических масштабов», что «мы (Россия. — А. З.) бежим наперегонки с деградацией» [Янов, 2017: 478]. И наконец, относительно европейского будущего России делается следующее заключение: «Если в прошлом речь шла все-таки о том, выживет ли Россия как великая европейская держава, то сейчас — слишком уж далеко зашла деградация — речь о том, выживет ли она **ВООБЩЕ**, если не станет Европой» [там же: 479].

³¹ У историков ее заменителем служит теория исторической памяти. См., например: [Курилла, 2018]. Эта теория, говоря языком экономистов, рассматривает эффект колеи в системе неформальных институтов.

выделить лишь два таких периода (1905–1917) и (1989–1999), которые в сумме составляют чуть более, чем 20 лет.

Во-вторых, немаловажно и то, что за эти 120 лет две бывшие когда-то деспотиями страны успешно завершили политическую модернизацию (Япония и Южная Корея), а другая (Турция) при всех сложностях последних лет все равно еще находится впереди России³². Напомним в очередной раз, что, согласно Янову, деспотии не подлежат политической модернизации. Россия же как была самодержавной 120 лет назад, так ею и осталась. И если политическая модернизация и имела место, то отнюдь не европейская. Что кажется весьма удивительным, когда сравним прошлое России и любой из названных стран³³.

В-третьих, никак нельзя обойти вниманием тот факт, что в петербургский период продвижение к Европе наблюдалось — пусть и по схеме «два шага вперед — шаг назад». И даже «второй русский проект» (откат в царствование Николая I) не был в полной мере возрождением Московии³⁴. В то время как коммунистическая Россия явилась самой настоящей реинкарнацией Московии, скорректированной с учетом требований индустриальной эпохи [Заостровцев, 2017b]. Таким образом, змея

³² В соответствии с Индексом демократии-2018, составляемым Economist Intelligence Unit, Южная Корея занимает 21-е место в мире среди 167 включенных в него стран, Япония — 22-е, Турция — 110-е (но пока еще входит в категорию «гибридных режимов»), Россия — 144-е и устойчиво пребывает в категории «авторитарный режим» [Democracy Index..., 2018]. Согласно Докладу о демократии-2019 V-Dem (Varieties of Democracy) Южная Корея заняла 13-е место по индексу как либеральной, так и электоральной демократии из 179 оцененных стран, Япония — 30-е и 34-е, Турция — 142-е и 128-е, Россия — 148-е и 141-е соответственно [V-Dem, 2019].

³³ Желаящий может, например, легко сопоставить положение вестернизированной дворянской элиты в царствование Александра I с положением дайме (правителей провинций) в эпоху Эдо в Японии (1603–1868), которые должны были управлять родных в качестве заложников к сегуну. И если бы в то время какой-нибудь европейский мыслитель взялся за предсказание будущего, то Россию он, скорее всего, увидел бы через 200 лет в Европе (если не значительно раньше), а Японию — никогда.

³⁴ Хотя есть все основания быть на стороне Янова в его споре с другим историком — Борисом Мироновым, в том, что касается характеристики правления Николая I [Янов, 2007: 66–70, 72–76, 213–222]. Суть расхождений позиций в том, что Янов рассматривает его как провал в прошлое, чуть ли не в Московию, а Миронов как последователь государственной исторической школы в любом царствовании эпохи империи видит пусть и с оговорками, но прогресс по сравнению с предыдущим. И даже Николай I тут совсем не исключение.

укусила свой хвост: круг замкнулся и глубина отторжения от Европы в сталинское правление пожалуй что сравнима только с московитским периодом. И когда к 90-м гг. XX в. челюсти ослабевшей змеи разжались, то впрыснутого яда хватило на то, чтобы чуть более чем через 10 лет начать реинкарнацию базовых принципов московского уклада в новой упаковке («Московии 3.0»). Можно говорить об удивительной устойчивости ядра русской институциональной системы и ее способности отторгать европейскую модернизацию. Самодержавная природа верховной власти воспроизводит себя в качестве таковой и не зависит от того, кто ее возглавляет: царь, генеральный секретарь или президент.

Понятно, что вряд ли какое-то холопство при княжеских дворах когда-то там в Киевской Руси было способно задать траекторию движения такой длительности и такой мощи. Скорее, ближе к истине подошел Клямкин, который в дискуссии с Яновым обращает внимание на то, что самодержавная традиция восходит к Андрею Боголюбскому и истоки Московии — не в Киеве и Новгороде, а во Владимире [Янов, 2017: 236]. Однако судьба Боголюбского говорит о том, что формированию самодержавной модели знать сопротивлялась. Конечно, вклад Александра Невского в повороте Владимирского княжества на Восток велик [Коцюбинский, 2019: 123–124; Карацуба, Курукин, Соколов, 2006: 47–52], но это был лишь первый импульс³⁵. Политическая культура меняется не так быстро: ее формирование — совсем не разовое мероприятие.

И тут не обойтись без возвращения к проблеме ордынских корней. Одним из свидетельств в пользу довольно органичной имплантации ордынской политической культуры в Московию может служить исследование Булата Рахимзянова об интеграции татарских ханств в нее в позднезолотоордынский период, когда «стал практиковаться отъезд татарских правителей и их людей в Московию, где им предоставлялись города и области для поселения и кормления» [Рахимзянов, 2018: 159]. Касимов, Звенигород, Кашира, Серпухов, Юрьев-Польский, Сурожики и др. Московские правители воспроизвели степной институт (юрт), а великий князь выполнял традиционную для Степи роль их распределителя³⁶. «Политически и экономически Московия была частью тюрко-монголь-

³⁵ «Целенаправленными и долговременными усилиями князя Александра Ярославовича ордынское “иго” над Русью было установлено» [Карацуба, Курукин, Соколов, 2006: 52].

³⁶ Между прочим, еще один импортированный институт (не только почта и степная дипломатия).

ского мира...» [там же: 162]. И «поэтому достаточно трудно полностью разделить политические культуры средневековых татарских государств и Москвы. Московская политическая история XV–XVI вв. была органически включена в позднесолотоордынскую» [там же: 204]. В итоге же «именно Москва — “приемная дочь” Золотой Орды — одержала победу в весьма продолжительной схватке за ордынское наследие» [там же: 207]. И можно не сомневаться, что это наследие было не только территориальным. основополагающий принцип властных отношений Степи (все принадлежит хану) за 200 с лишним лет был воспринят, внедрен и со временем стал ментальной моделью как московских владык, так и их подданных.

Подтверждается правомерность такой позиции и другими исследователями. «После стояния на Угре и последующего разгрома Золотой Орды московский государь предъявил претензии на “освободившийся” титул царя, каковым традиционно именовали золотоордынского хана» [Почекаев, 2017: 23]. Видение себя московскими государями в качестве законных наследников великоханской власти было важным (если не главным) аргументом в пользу обоснованности притязаний не только на восточные земли (Казань, Астрахань), но и на все русские земли (входившие в ВКЛ, а потом в Речь Посполитую), которые когда-либо признавали над собой власть Орды или ее наследников. И это преемство выразилось не только в территориальных претензиях. «Оно в полной мере проявилось и в восприятии многих джучидских политических, правовых, дипломатических институтов, отдельные элементы которых сохранялись в политике Российского государства на многие века» [там же: 8].

Разумеется, это не означает, что нынешнее устройство власти в Российской Федерации есть просто каким-то чудом перенесенная в XXI в. постордынская организация Московии. Так можно рассуждать исключительно ради несерьезного и карикатурного изображения «эффекта колеи»³⁷. Между ними века, и, конечно, есть куда более близкие и сильнодействующие на современность модели этакратии. Иосиф Сталин нам куда ближе, чем Иван Грозный или даже Николай I. Не говоря уже о постордынской Московии. Однако заложенные во времена разных этакратических правительств в историческую память и политическую культуру

³⁷ Хотя не таким уж парадоксом звучит утверждение, что «генезис социализма в России восходит к периоду монгольского рабства» [Макаренко, 1998: 208].

ценности и убеждения незаметно оседают в ментальности³⁸, наслаиваются друг на друга и в конечном счете влияют на социальную реальность сегодняшнего дня. Как говорится, ничто не проходит бесследно³⁹.

Если мы оставим старые времена и перенесемся в день сегодняшний, то довольно отчетливо будет видно, что предпочтение в политической культуре все того же самодержавия никуда не делось. Наиболее ярко это проявляется в отношении российского общества к Сталину. Само собой понятно, что Сталин — это не просто всемирно знаменитая историческая личность, которая скончалась уже более 65 лет назад. Это — олицетворение определенного социального строя, названного историками его именем («сталинизм»). А также имперского национализма.

В апреле 2019 г. либерально настроенные российские интеллектуалы были шокированы результатами опроса «Левада-Центра», выявившего явное преобладание положительного отношения российских масс к Сталину и результатам его деятельности. На *рис. 2* сплошная линия показывает процент респондентов, выразивших ту или иную степень личного положительного восприятия Сталина (отношусь «с восхищением», «с уважением», «с симпатией»). Пунктир — та или иная степень негативного отношения («с неприязнью, раздражением», «со страхом», «с отвращением»).

На *рис. 3* распределение ответов респондентов на вопрос о том, какую роль сыграл Сталин в жизни страны. Она хорошо коррелирует с той, что представлена на *рис. 2* (после 2008 г.). Часто боящиеся правды представители социальных наук вместе с ищущими «европейский народ» в России (вместо «глубинного») объясняют эти результаты исключительно влиянием телепропаганды («зомбоящика»). Вроде бы картинка на *рис. 2* (но не на *рис. 3*) это мнение подтверждает. В 2001 г. отрицательное отношение к Сталину даже преобладало. Мол, в 1990-е гг. телевизор

³⁸ Ментальность «понимается как свернутый в устойчиво воспроизводимых когнитивных структурах геном культурной системы, его психическая квинтэссенция» [Пелипенко, 2014а: 19].

³⁹ Нередко приходится сталкиваться с ироническим восприятием утверждения о преемственности современной политической культуры и соответствующих ей институтов Российской Федерации от изначальной Московии (Московии 1.0). «Мол, когда это было!» — с пафосом произносят те, кто полагает, что на такое расстояние во времени никакие институты сохранять свое воздействие не могут. В таком случае очень хочется спросить: «А на какое расстояние во времени действуют, например, римское право или мировые религии?» По сравнению с ними Московия была чуть ли не вчера.

плохо говорил про Сталина и относились к нему плохо; заговорил хорошо, и за 18 лет отношение радикально поменялось. И подтекст в такого рода рассуждениях следующий: вот если поменяется тональность телепередач на противоположную (хотя с чего бы?), то отрицательное отношение к Сталину снова возьмет верх.

Рис. 2. Отношение к Сталину

Рис. 3. Роль Сталина в жизни страны

Источник: «Левада-Центр» (16.04.2019).

Позиция «все решает телевизор» явно ущербна⁴⁰. Она, например, никак не объясняет того факта, что вышеприведенный рост позитивного восприятия Сталина и его вклада в развитие страны пришелся ровно на те же годы, что и снижение роли телевидения как источника получения новостей для россиян и параллельное увеличение роли интернета⁴¹. Последний же еще далеко не взят под контроль российской властью, и доступ к стоящим на альтернативных по отношению к кремлевской пропаганде позициям сайтам не вызывает больших трудностей. Это означает, что у массы населения просто отсутствует потребность в знакомстве с иными трактовками истории (о которых она наверняка хоть что-то, но слышала), просталинская ее версия вполне комфортна для восприятия и отвечает внутренним убеждениям⁴².

Нельзя преувеличивать возможности и самого телевизора. Он в состоянии дискредитировать политика, но не дезавуировать вековую политическую культуру. Об этом хорошо сказал директор «Левада-Центра» Лев Гудков: «Пропаганда не создает новых представлений, она лишь активизирует (и заново интерпретирует применительно к контексту текущих

⁴⁰ Этой позиции, в частности, придерживается и Янов, который говорит о «всемогушестве телевизора». Он приводит в качестве примера разворот на 180 градусов телепропаганды в 1987–1991 гг. и полагает, что благодаря ей в одном из опросов ВЦИОМа в начале 1992 г. (тогда возглавлявшегося Юрием Левадой) лишь 13% согласились с «особым путем России», а 87% сказали, что «русские такие же, как все». В итоге он заключает, что «в мгновение ока в масштабах истории, до мозга костей казалась, советский народ стал антисоветским» [Янов, 2019]. Последнее утверждение полностью противоречит результатам многолетних исследований «Левада-Центра» под рубрикой «Человек советский». «В 1999 г. мы поняли, — заявил нынешний руководитель Центра, — что советский человек никуда не уходит» [Гудков, 2017].

⁴¹ Согласно опросам населения Фондом «Общественное мнение», телевидение значительно сократило свою роль как основной источник информации населения и к нему приблизились новостные сайты в интернете. Телевизор являлся таковым источником для 87% респондентов в 2010 г. и 64% — в 2019 г., тогда как интернет увеличил свою долю с 13 до 45%. Более того, в 2015 г. больше всего доверяли телевидению 63% опрошенных, в 2019 г. — лишь 35%. Падение чуть ли не в 2 раза. В то же время процент более всего доверяющих новостным сайтам в интернете вырос с 15 до 21% [Источники информации..., 2019].

⁴² На самом деле информации о «сталинских преступлениях» более чем много, и она легкодоступна. Сейчас не брежневские времена. Дело в том, что массы деяния Сталина преступлениями не считают, они для них вполне легитимны. Число россиян, готовых признать Сталина преступником, снизилось с 38% в 2009 г. до 26% в 2017 г. [Волков, 2019].

событий) слои давно сложившихся стереотипов и спящих предрассудков, образующих несознаваемые пласты национальной культуры, соединяя настоящее с фиктивным и воображаемым прошлым» [Гудков, 2018: 104].

Другой же социолог из того же центра — Дмитрий Волков, — комментируя результаты опроса об отношении к Сталину, отмечает: «Оправдательный мотив, который звучит на фокус-группах, можно сформулировать следующим образом: именно Сталин превратил Советский Союз в мировую супердержаву. По словам респондентов, мы не только выиграли войну, но “создали промышленность”, ядерное оружие, заставили всех себя уважать, контролировали половину Европы. Достичь всего этого удалось при Сталине, под его “мудрым руководством”» [Волков, 2019].

В таких случаях социологи сталкиваются с самым глубоким и прочным слоем политической культуры — комплексами самодержавия и великодержавия. Это — не одно и то же, но очень тесно связанные вещи. Самодержавие — «монополия верховного правителя на политическую субъектность, то есть на власть» [Коцюбинский, 2019: 111]. Великодержавие — есть то, что Пелипенко назвал «имперством»: «Под имперством имеется в виду идеократический проект установления должного мирового порядка в форме безраздельного господства везде, где только возможно» [Пелипенко, 2014b: 60]. На самом деле идеократическое оформление стремления к безграничной экспансии (не важно, происходит таковое под маской «истинной» религии, коммунистического интернационализма или чего-либо еще) есть агрессивная форма участия в институциональной конкуренции с альтернативной системой (условным Западом), который самим фактом своего существования подрывает легитимность российского общественного порядка, построенного на власти-собственности. В свою очередь, власть-собственность немислима вне самодержавия [Заостровцев, 2019a: 162, 165].

Самодержавные установки российского населения были показаны автором данного препринта в 2017 г. на основе анализа данных обзора World Values Survey [Заостровцев, 2017c: 30]. В этот раз достаточно *рис.* 2 и 3. Отношение к Сталину и его делам — самый лучший индикатор реально доминирующих ментальных моделей населения России. Все опросы общественного мнения с обращенными к респондентам вопросами о том, как они ценят демократию и свободы, не дают такого результата.

Дело в том, что у россиян довольно странное видение этих вещей. Это подтверждают, например, данные всероссийского мониторинга «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном

контекстах» (седьмая волна), проведенном в октябре 2017 г. Институтом социологии РАН. Сравнивались три периода (брежневский, ельцинский и путинский). На первом шаге вроде все логично: лишь 12% признали наличие гражданских и политических свобод характерной чертой брежневского периода, но уже 29% — ельцинского. Зато дальше наблюдается парадокс: 57% говорят о наличии таковых как типичных для современной России [Латов, 2019: 208]. Такие респонденты, возможно, заявили бы, что и при Сталине была демократия: ведь репрессировали и представителей номенклатуры, включая высшую (бойр). И путешествующий не по своей воле на Восток какой-нибудь замминистра мог вполне «демократично» разделять одну теплушку с каким-нибудь колхозником (невольно вспоминается штамп из социалистических времен: «социалистическая демократия — новая и высшая форма демократии»).

Что касается великодержавной составляющей политической культуры, то тут любой исследователь столкнется только с одной проблемой: избытком подтверждающим ее наличие материала. Не надо даже приводить данные опросов на тему «Крым наш». Имеются данные о более фундаментальных установках. В *табл. 2* хорошо видно, что великодержавность не есть конъюнктурный, связанный с Крымом момент. О приверженности ей россияне заявляли еще до Путина — в марте 1999 г. К этому же сроку резко вырос процент народных «особистов» — с 13% в 1992 г. до 57% и в 2017–2018 гг. превысил 60%.

И все-таки трудно обойтись без Крыма. Речь идет не просто о всенародной поддержке его аннексии. В 2017 г. социологи «Левада-Центра» впервые поставили в опросе пункт «возвращение Крыма в состав Российской Федерации» в ряд событий в истории страны, которые вызывают чувство гордости. И это событие вышло сразу на второе место после победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., обойдя традиционно занимавшую вторую строчку ведущую роль в освоении космоса. В 2018 г. космос вернул себе второе место, но процент голосов, отданных за Крым, даже возрос с 43% до 45% (отвечавшие могли отметить не одно событие) [Пишия, 2019].

Вернемся к Янову. Оценивая его подход к истории России, нельзя не отметить то положительное качество, что он выбрал оригинально трактуемое самодержавие как нечто промежуточное между деспотией и абсолютизмом в качестве содержательного наполнения зависимости от предшествующего развития. Таким образом, «колея» оказалась не пустой. И наполнение ее самодержавным содержимым (как бы оно ни трактовалось) достаточно близко к реальному положению вещей.

Таблица 2. Российский великодержавный комплекс

Для каждой из следующих пар суждений скажите, с каким из суждений в этой паре Вы бы скорее могли согласиться? (один ответ)

	Апр. 92	Март 99	Авг. 08	Окт. 16	Ноя. 17	Дек. 18
Россия должна сохранить за собой роль великой державы	72	78	86	76	82	88
России не нужно претендовать на роль великой державы	14	9	6	17	13	10
Затруднились ответить	13	13	8	7	5	2
Русские — великий народ, имеющий особое значение в мировой истории	13	57	–	57	64	62
Русские — такой же народ, как и другие	80	36	–	34	32	35
Затруднились ответить	7	7	–	9	4	3

Источник: [Пипия, 2019].

В то же время отрицание корней московского государства в ордынской системе вынужденно привело автора исторической трилогии к довольно искусственной и весьма маловероятной трактовке дуализма его политической культуры, за которым, как мы видели, пришлось идти в эпоху Киевской Руси. Однако вольность дружинников и холопство княжеских слуг вряд ли обладали такой страшной силой исторической инерции, чтобы пройти сквозь более чем двухвековую толщу ордынского периода, полностью не растворившись в нем. В то же время столь длительная встроенность в ордынское государство, согласно Янову, почти и не оставила следов. В результате на выходе из него Московия сразу каким-то чудом попадает в «европейское столетие». И далее приходится буквально цепляться за каждую деталь, более или менее напоминающую аналог из

европейского абсолютизма. Его главный оппонент Пелипенко выражается по этому поводу довольно резко: «Автор (Янов. — А. З.) подробнейшим образом смакует и раздувает в значении все, что только можно различить на чухлом поле российского либерализма» [История..., 2012: 73].

Вина за отход от европейского абсолютизма эпохи Ивана III возлагается на «самодержавную революцию» его внука как главного злодея российской истории. И из этой революции тянется исторический шлейф самодержавных традиций вплоть до наших дней. Однако вторая сторона политической культуры (та самая, что от вольных дружинников) не дает погаснуть свету европейского начала в русской истории. Отсюда те самые обозначенные выше прорывы. При этом автор, много говоря о европейских трендах, почему-то пропускает сильное влияние на Московию в XVI–XVII вв. Речи Посполитой, о котором пишет польский историк Бенедикт Зентара [Зентара, 2015, 94–95].

Как уже отмечалось, сильной стороной концепции Янова становится недопущение смешения русского самодержавия с европейским абсолютизмом вплоть до сведения их различий к не очень существенным отличительным особенностям. В то же время он не замечает, что Русь была не одна. Их было две, но только одна из них европейская, хотя и называлась она Великое княжество Литовское. И Московская Русь стала ее давить как институционального антагониста: об этом можно прочесть у автора данного препринта [Заостровцев, 2019b]. Так что европейской Русь была, и жива она была куда более столетия, но только это была не Московия. Последняя же делала все, что в ее силах, чтобы свести ВКЛ (впоследствии и Речь Посполитую) на нет. Не случайно и сегодня наиболее напряженные отношения у России с Литвой и Польшей. Историческое наследие здесь, естественно, не единственная причина, но и абстрагироваться от него невозможно.

Что образует колею?

Янов подробно описывает великодержавный и экспансионистско-мессианский настрой России. Начинает он, естественно, с Ивана Грозного, с основания им «агрессивно-экспансионистской империи» [Янов, 2017: 286]⁴³. Потом посвящает много страниц тому, что он называет «наполеоновским комплексом России» во второй части трилогии [Янов, 2007: 323–

⁴³ Естественно, что идеализированный историком образ Ивана III никак не позволяет отнести его к основателям такой империи.

400]. И этим далеко не исчерпывается тема русского империализма. Показываются его негативные последствия для европейского наполнения российского социума. В то же время историк не раскрывает природы его экспансионистских устремлений, поскольку таковая вытекает из наиболее фундаментального института России: власти-собственности.

Об этом феномене написано достаточно много. Фактически он был очень неплохо раскрыт уже Пайпсом под именем «вотчинная собственность» (на английском — «патримониальная»). В этом случае «политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно сувереном государства и его собственником» [Пайпс, 1993: 11]. В России власть-собственность стала очень популярным объектом исследования в академических кругах. Отметим только то, что с опорой на нее написаны три книги, представляющие институциональную историю страны как эволюцию власти-собственности [Макаренко, 1998; Нуреев, Латов, 2009, 2016].

К сожалению, многие специалисты в области макроистории России игнорируют ее институциональный фундамент в форме властнособственнических отношений, что неизбежно ведет к недостаточному пониманию глубинных процессов, обуславливающих и определяющих исторические судьбы страны. Отсюда и проистекает мираж «европейской России». Многим искренне кажется, что переход России к правовому государству и связанным с ним атрибутам западной цивилизации есть лишь повторение с некоторыми особенностями и задержкой во времени аналогичного пути Франции, Германии и т. д.⁴⁴ При этом не замечается (сознательно или нет, это, в принципе, не важно), что они стартовали из качественно иного социального порядка (того самого европейского абсолютизма) или, если угодно, цивилизации, где суверенитет личности и ее права на имущество не были растворены во власти-собственности⁴⁵. Они были слабы, не развиты, часто нарушались, но они были. России же для успеха такого перехода придется буквально вывернуться наизнанку и взорвать собственное институциональное ядро — власть-собственность, радикально отделив публичное от частного и прочно закрепив

⁴⁴ На этом построена теория «догоняющей модернизации», столь полно представленная в России в двухтомной книге Дмитрия Травина и Отара Маргания и названной ими «игрой в догонялки» [Травин, Маргания, 2004].

⁴⁵ Поэтому-то Янову и понадобилось пресловутое «европейское столетие». Надо сказать, что чисто логически (но не исторически) он прав. Иначе Россию «не всунешь» в Запад.

суверенитет личности⁴⁶. До сих пор власть-собственность лишь иногда сжималась, но зато потом отвоевывала свои позиции⁴⁷. Она и составляет то, что, грубо говоря, делает Россию «не Европой».

Понимание России как царства власти-собственности позволяет развезать и ряд политологических иллюзий («гибридный режим», «опрокидывающие выборы» и т. п.). Такие социальные системы несовместимы с демократическим устройством, и выборы они не проигрывают. Подобно тому как закрепление частнособственнических правомочий за тем или иным лицом в правовом обществе не может определяться результатами голосования (скажем, наемные работники предприятий не вольны тасовать состав их акционеров посредством подачи голосов), так и власть-собственность исключает участие подведомственного государству населения в делегировании власти снизу тем или иным политикам, поскольку это было бы явным покушением на прерогативы государства как верховного собственника. Стремление несанкционированно войти во власть равносильно покушению на собственность, сменяемость власти равносильна тотальному переделу собственности, а подотчетность власти выглядит нелепостью: акционеры не обязаны отчитываться перед наемными работниками. Власть имущие как верховные собственники — это принципиально иной социальный статус, чем у выборных политиков-порученцев; они защищают свою власть как собственность и собственность как власть, задействуя всю принадлежащую им и неделимую ни на какие «ветви власти» государственную машину как репрессивный инструмент. Выбор в этой системе сделан один раз и навсегда, и он не подлежит никакому пересмотру.

⁴⁶ Автор препринта определяет власть-собственность как отрицание самопринадлежности человека как права собственности на самого себя и, как следствие, его права на личную (безусловную частную) собственность. Индивид внутри основанного на власти-собственности социального порядка может владеть благами лишь на правах *держания* (условного собственника, пусть формально и частного), ибо сам он является принадлежностью распоряжающейся им внешней силы («Целого»). Недавнее законодательное распространение статуса «иностранный агент» на физических лиц в России есть прекрасная иллюстрация последнего. «Основа восточной структуры — полное поглощение личности коллективом и, соответственно, отсутствие личности как самоценной индивидуальной ценности со всеми ее внутренними потенциями и особенностями. Но коль скоро так, то не может быть и речи о собственности европейского типа на Востоке...» [Васильев, 1998: 14].

⁴⁷ Эти циклы российской истории неплохо представлены, в частности, в книге Ольги Бессоновой как борьба между раздатком и рынком, служебной и частной собственностью [Бессонова, 2015].

Теперь вернемся к тому, что Янов назвал «наполеоновским комплексом России». Загадка вечного русского экспансионизма ставила многих в тупик⁴⁸. Исходный постулат о «вотчинном государстве» позволил Пайпсу несколько прояснить эту загадку: территориальные приобретения России — это расширение собственности ее правителей. И, что весьма немаловажно, связал ее с проблемой внутреннего суверенитета российской власти (ее неделимости как независимости от подданных, недеделируемости ее вниз). «Цепкость, с которой российские правители *вне зависимости от их текущей идеологии* (курсив мой. — А. З.) держались за каждый квадратный сантиметр земли... коренится в вотчинной психологии. Это территориальное выражение того же принципа, исходя из которого российские правители ни под каким видом добровольно не уступали своим подданным ни йоты политической власти» [Пайпс, 1993: 110].

Развивает эти идеи Пайпса российский анархо-марксист Виктор Макаренко. Он видит основу агрессивности Московии, а затем России в периодическом исчерпании возможностей внутреннего насилия и контроля, составлявших, говоря экономическим языком, целевую функцию государства-собственника. «Главная причина агрессивности Московского, а затем Российского государства заключалась в насилии над собственными гражданами. Только благодаря тому, что насилие внутри страны уже было невозможно увеличить (при имеющихся средствах насилия и организации аппарата насилия), Россия обнаруживала необычную тенденцию к внешней агрессии» [Макаренко, 1998: 243]. И далее он уточняет: «Жаждающий власти класс распорядителей средств насилия вынужден был искать дальнейшие возможности расширения властной регуляции за пределами своей страны. Внутреннее насилие обусловило внешнее насилие» [там же]. Примерно к таким же заключениям пришел в свое время известный американский экономист-институционалист Мансур Олсон, но уже применительно к автократии вообще. Он заметил, что потреблением автократа являются не только и не столько личные блага, включая престижные проекты, сколько «армии и войны, которые могут обеспечить ему более внушительные владения» [Олсон, 2012: 41].

Выше уже было отмечено, что в современную эпоху агрессивность основанных на власти-собственности общественных систем питают за-

⁴⁸ Между серединой XVI в. и концом XVII в. Москва приобретала в среднем по 35 тыс. кв. километров в год (территория современной Голландии) в течение 150 лет подряд [Пайпс, 1993: 114].

дачи институционального выживания. Особенно остро они стоят в условиях информационного общества. Информационный обмен рождает очень сильный демонстрационный эффект, и легитимность власти все больше зависит от способности обеспечить уровень жизни, сравнимый с тем, который наблюдается в альтернативных системах. Для властно-собственнических социальных порядков таковыми оказываются правовые общества, основанные на защищенном верховенством права личном суверенитете. Поскольку достигаемый последними уровень благосостояния граждан в принципе недостижим для стран, представляющих силовой тип цивилизации⁴⁹, то компенсировать этот недостаток можно за счет ослабления указанного демонстрационного эффекта. И сделать это можно двумя путями: а) за счет идеологической индоктринации жителей собственной страны; б) с помощью разного рода подрывных действий в отношении тех обществ, которые создают этот эффект.

На втором направлении работает то, что недавно было названо «гибридными войнами», которые в отдельных случаях могут быть даже классическими экспансиями (Россия–Украина). В целом же Россия, идя по второму пути, использует целый набор разнообразных инструментов дискредитации правовых общественных систем в глазах их собственных граждан и одновременно внедрения в эти системы в роли «троянского коня». Главным среди этих инструментов является экспорт коррупции (так называемая «шредеризация»), который не менее важен, чем экспорт нефти и газа. Что же касается Украины, то здесь на поведении России сказался целый ряд факторов: от «вотчинного» взгляда на нее до стремления не допустить ее вестернизации, успех которой был бы особо опасен в демонстрационном плане в силу изначальной близости ее социальных характеристик к российским. При этом, как было показано выше, экспансия российского государства заметно усиливает его легитимность, находя массовую поддержку.

Таким образом, властно-собственническая природа основных качеств российского социума делает практически неразрешимой задачу его модернизации, которая включала бы появление гражданских и политических прав. Иначе говоря, суверенизацию личности. «Я уверен, — пишет политолог Владимир Гельман, — что Россия рано или поздно станет свободной страной» [Гельман, 2019: 229]. По этому поводу можно сказать следующее: если свободной, то не Россия; если Россия, то не свободной. Автору препринта ближе позиция Пелипенко, который

⁴⁹ О силовом типе цивилизации см.: [Заостровцев, 2018, 2019a].

сформулировал тезис о том, что *«либеральное будущее России неизбежно обуславливается ее распадом...»* [Янов, 2017: 324]. Но ведь тогда это уже не Россия.

Вместо заключения: останутся ли в Европе «европейские ценности»?

Универсалисты либо трактуют европейские ценности как некую историческую константу, либо в своем преклонении перед Европой принимают все их изменения и дополнения как прогрессивные, достойные подражания. В первом случае не замечается, что Запад утрачивает ценности классического либерализма. Этот процесс начался достаточно давно, шел с переменным успехом, но в XXI в. явно обрел новое дыхание. После примерно десятилетней эйфории от падения коммунизма с его командной экономикой началось нарастающее неприятие капитализма и подлинно либеральных институтов, которое особенно ускорило в результате кризиса 2008–2009 гг. Права собственности, свободный рынок, предпринимательство трактуются чуть ли не как архаика и воспринимаются в негативном свете⁵⁰.

Новые же европейские ценности по своей сути антилиберальны, если опять же иметь в виду, конечно, классический либерализм. Процветает культ политической корректности, под которой скрывается все, что угодно, но только не идеалы свободы для всех: в сущности, она представляет узаконенную дискриминацию (издевательски названную «позитивной») индивидуальных прав личности ради множественных привилегий для провозглашенных угнетаемыми различных социальных групп: от иммигрантов из отсталых стран до женщин и геев. Это, по сути, марксистская установка, но только эпохи постмодерна: угнетаемый поменялся, а смысл остался.

Изменение ценностей широко открыло двери для «истернизации Европы». На что обращает внимание автор послесловия к книге Янова про спор о «вечном самодержавии». «Постепенная, но радикальная исламизация Европы кардинально трансформирует ценностно-смысловые параметры европейской культуры и европейской цивилизации» [Янов, 2017: 559].

⁵⁰ Индекс свободно-рыночной ментальности (измеряемый в диапазоне от 0 до 1) снизился в интервале между двумя периодами (1990–1998 гг. и 2005–2014 гг.) в Северной Европе с 0,80 до 0,58, в Южной Европе — с 0,59 до 0,46 [Czeglédi, Newland, 2018: 205].

И может быть, к тому времени как российские европейцы окончательно разобьют в высокоинтеллектуальном споре «особистов» всех мастей, им для воплощения своих европейских идеалов придется для начала выучить Коран. Как пишет Нассим Талеб: «Чтобы диктовать нормы обществу, достаточно маленького непримиримого меньшинства, состоящего из равномерно распределенных по территории последователей» [Талеб, 2018: 129]. И советует быть нетерпимым к нетерпимости [там же: 132].

Современная же либеральная мысль, подвергнутая эрозии мультикультурализма, не находит решения данной проблемы [Либерализм..., 2019: 205–235]. И это неудивительно. Она строится на идее «общечеловека», которую классики либерализма и близко не думали распространять на все человечество. Реальность убеждает, что у людей из разных исторических времен (сколь ни сели их на одной территории) «никаких общих ценностей и цивилизационных стратегий... не может быть в принципе» [Пелипенко, 2014а: 34].

Наступление политкорректности и чуждых культур с запада Европы вызвало контрреакцию с ее востока: Венгрия, Польша. Да и бастионы политкорректности ныне подвержены эрозии. Не вдаваясь глубоко в проблему, просто взглянем на итоги выборов в парламент Австрии в сентябре 2019 г. Второй раз подряд победу одержали правые силы (Австрийская народная партия и Австрийская партия свободы), набрав в сумме 53,7% голосов. Отстаивающая идеологию толерантности Социал-демократическая партия Австрии заручилась только 21,2% голосов избирателей [Election Guide..., 2019]. В Германии на выборах в земельный ландтаг Тюрингии в октябре 2019 г. первое место заняла Левая партия (31% голосов), второе — правая «Альтернатива для Германии» (23,4%), тогда как прежний лидер в лице Христианско-демократической партии удержался лишь на 3-м месте с 21,8% голосов. Еще одни политические должители — социал-демократы получили жалкие 8,2% [Thuringian..., 2019]. Для тех, кто пишет о «европейских ценностях» и «европейской цивилизации» как о чем-то само собой разумеющемся, настали нелегкие времена. Кто же представляет их в расколотовой Европе?

И если допустить, что Россия идет в Европу, то в какую? Еще лет 25 назад расхождения между традиционными политическими партиями были сравнительно невелики и поэтому можно было вполне оправданно утверждать, что они представляют одни и те же базовые ценности, пусть и с разных сторон. Нынешняя же поляризация позиций такого не позволяет. России придется (если, конечно, вообще придется) выбирать не Европу как таковую, а то, с какой она Европой.

Многие же универсалисты продолжают не замечать радикальных изменений. Однако сегодня нельзя не замечать еврораскола и уходить от европейских реальностей, ограничившись приставкой «евро» в качестве по умолчанию понятного и однозначного предписания и/или предсказания для российского будущего. Свет в конце «евротоннеля» если не погас, то изрядно померк. Европа времен Греты Тунберг вряд ли столь же привлекательна, как общество-идеал, как Европа времен Брижит Бардо. И выбор тех, кто еще не так давно стремился в Европу, может быть не в пользу первой.

Литература

Алесина А., Джулиано П. (2016). Культура и институты. Часть I // Вопросы экономики. № 10. С. 82–111.

Анисимов Е. В. (2009). История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты. СПб.: Питер.

Афонцев С. А. (2010). Зависимость от пройденного пути, социальное действие и исторический процесс // Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / под ред. Л. И. Бородкина, Х. Кесслера, А. К. Соколова. М.: РОССПЭН. С. 21–36.

Аузан А. А. (2007). «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. № 6. С. 54–60.

Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. (2005). История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство.

Бессонова О. Э. (2015). Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Политическая энциклопедия.

Васильев Л. С. (1998). История Востока. Т. 1. М.: Высшая школа.

Волков Д. (2019). Сталин, репрессии, твердая рука. URL: https://www.ridl.io/ru/stalin-repressii-tverdaja-ruka/?fbclid=IwAR0r2gWcftD17uqz2_kfZuZT3fHlqr2o-lQcuLE0o5GkDKzcjQ-q_RraEco (дата обращения: 1 декабря 2019).

Гельман В. Я. (2019). «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Гудков Л. (2017). «Мы поняли, что советский человек никуда не уходит». URL: <https://www.levada.ru/2017/07/24/my-ponyali-chto-sovetskij-chelovek-nikuda-ne-uhodit/> (дата обращения: 1 декабря 2019).

Гудков Л. (2018). Патриотическая мобилизация и ее следствия // Вестник общественного мнения. № 1–2. С. 81–123.

Заостровцев А. П. (2017а). Матрица Московии и ее реинкарнации: как реальность опровергает благие пожелания // Общественные науки и современность. № 6. С. 67–76.

Заостровцев А. П. (2017b). «Служилое государство» в постсоветской России: II реинкарнация «Матрицы Московии» // Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь? СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр». С. 46–68.

Заостровцев А. П. (2017с). Россия и страны Балтии: расхождение цивилизаций (Препринт М-61/17; Центр исследований модернизации ЕУСПб). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Заостровцев А. П. (2018). Парадигма модернизации: как ее понимать? (Препринт М-68/18; Центр исследований модернизации ЕУСПб). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Заостровцев А. П. (2019а). Институциональная конкуренция и столкновение цивилизаций в процессе модернизации // Экономическая политика. № 5. С. 150–171.

Заостровцев А. П. (2019b). Московия и Великое княжество Литовское: институциональная конкуренция как пролог глобального столкновения цивилизаций // Общественные науки и современность. № 2. С. 115–129.

Зентара Б. (2015). Старая Россия. Деспотизм и демократия / Под ред. Г. М. Коваленко. Великий Новгород: Изд-во Новгородского гос. ун-та.

История и историческое сознание (2012) / под общ. ред. И. М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия».

Источники информации: предпочтения (2019). URL: <https://fom.ru/SMI-internet/14256> (дата обращения: 1 декабря 2019).

Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П. (2006). Выбирая свою историю. «Развилки на пути России: от рюриковичей до олигархов» М.: КоЛибри.

Коцюбинский Д. А. (2019). Цивилизация resentment. Институционально-исторический анализ русской политической культуры // Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр». С. 109–151.

Кром М. М. (2010). Между Русью и Литвой: пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М.: Квадрига.

Кром М. М. (2018). Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение.

Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов (2011) / под общ. ред. И. М. Клямкина. М.: Новое издательство.

Курилла И. И. (2018). История, или Прошлое в настоящем. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Латов Ю. В. (2019). Институциональная экономика и современная российская реальность // Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр». С. 205–221.

Левада-Центр (16.04.2019). Уровень одобрения Сталина россиянами побил исторический рекорд. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/uroven-odobreniya-stalina-rossiyanami-pobil-istoricheskij-rekord/> (дата обращения: 11 декабря 2019).

Либерализм в XXI веке: Современные вызовы свободе и новые либеральные ответы (2019) / Фонд Фридриха Наумана; Экспертная группа «Европейский диалог»; Фонд «Либеральная миссия». М.: Мысль.

Макаренко В. П. (1998). Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ.

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ

Нуреев Р. М., Латов Ю. В. (2009). Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта.

Нуреев Р. М., Латов Ю. В. (2016). Экономическая история России: опыт институционального анализа. М.: КНОРУС.

Олсон М. (2012). Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство.

Пайнс Р. (1993). Россия при старом режиме. М.: Независимая газета.

Пелипенко А. А. (2014а). Глобальный кризис и судьба Запада. М.: Знание.

Пелипенко А. А. (2014б). Код к «Русской матрице» // Власть. № 2. С. 57–65.

Пития К. (2019). Национальная идентичность и гордость. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/> (дата обращения: 1 декабря 2019).

Почекаев Р. Ю. (2017). Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб.: Евразия.

Рахимзянов Б. Р. (2018). Московская Русь и татарские ханства в XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное издательство.

Склярченко В. М. (2019). 100 знаменитых судебных процессов. URL: <https://biography.wikireading.ru/207647> (дата обращения: 24 ноября 2019).

Судебник 1550 года. Текст. URL: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения: 9 ноября 2019).

Талев Н. Н. (2018). Рискую собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.

Травин Д. Я. (2013). У истоков модернизации: Россия на европейском фоне (доклад второй) (Препринт М-31/13; Центр исследований модернизации ЕУСПб). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Травин Д. Я. (2015). У истоков модернизации: Россия на европейском фоне (доклад четвертый) (Препринт М-45/15; Центр исследований модернизации ЕУСПб). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Травин Д. Я. (2018). «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Травин Д. Я. (2019). Франция: успешная страна на пути к провалу (Препринт М-74/19; Центр исследований модернизации ЕУСПб). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Травин Д. Я., Маргания О. Л. (2004). Европейская модернизация: в 2 кн. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica.

Тулчинский Г. Л. (2018). Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. СПб.: Алетей.

Янов А. Л. (2008). Россия и Европа. 1462–1921: в 3 кн. Книга первая. Европейское столетие России. 14. М.: Новый Хронограф.

Янов А. Л. (2007). Россия и Европа: в 3 кн. Книга вторая. Загадка николаевской России. 1825–1855. М.: Новый Хронограф.

Янов А. Л. (2009). Россия и Европа: в 3 кн. Книга третья. Драма патриотизма в России. 1855–1921. М.: Новый Хронограф.

Янов А. Л. (2015а). Русская идея. От Николая I до Путина. Книга первая (1825–1917). М.: Новый хронограф.

Янов А. Л. (2015b). Русская идея. От Николая I до Путина. Книга вторая (1917–1990). М.: Новый Хронограф.

Янов А. Л. (2015с). Русская идея. От Николая I до Путина. Книга третья (1990–2000). М.: Новый Хронограф.

Янов А. Л. (2016). Русская идея. От Николая I до Путина. Книга четвертая (2000–2016). М.: Новый Хронограф.

Янов А. Л. (2017). Спор о «вечном» самодержавии: от Грозного до Путина. М.: Новый Хронограф.

Янов А. Л. (2019). Против течения. Александр Янов — с ответом Андрею Мальгину. 07.02.2019. URL: <https://www.svoboda.org/a/29748652.html> (дата обращения: 24 ноября 2019).

Czeglédi P., Newland C. (2018). *Measuring Global Support for Free Markets, 1990–2014 // Economic Freedom of the World: 2018 Edition*. Fraser Institute / eds. J. Gwartney et al. P. 189–211.

Democracy Index 2018. Economist Intelligence Unit (2018). URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Democracy2018 (дата обращения: 26 ноября 2019).

Election Guide. Democracy Assistance and Election News (2019). URL: <http://www.electionguide.org/elections/id/3350/> (дата обращения: 9 ноября 2019).

Harari M., Tabellini G. (2015). The Effect of Culture on the Functioning of Institutions // *Culture Matters in Russia—and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict* / eds. L. Harrison, E. Yasin. London: Lexington Books. P. 245–265.

North D. (2015). The Role of Culture in Understanding the Process of Economic and Social Change // *Culture matters in Russia and Everywhere. Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict* / eds. L. Harrison, E. Yasin. London: Lexington Books. P. 233–238.

Thuringian state election (2019). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2019_Thuringian_state_election (дата обращения: 4 ноября 2019).

V-Dem Annual Democracy Report 2019. V-Dem Institute (2019). URL: https://www.v-dem.net/media/filer_public/99/de/99dedd73-f8bc-484c-8b91-44ba601b6e6b/v-dem_democracy_report_2019.pdf (дата обращения: 26 ноября 2019).

Андрей Заостровцев

**Европейская модернизация в России:
желания и реальность**

Препринт М-75/19

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

books@eu.spb.ru

Подписано в печать 17.12.19.

Формат 60x88 1/16. Тираж 25 экз.